

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Ордена Трудового Красного Знамени Институт
геологических наук им. К. И. Сатпаева

А. Г. МЕДОЕВ

ГЕОХРОНОЛОГИЯ
ПАЛЕОЛИТА
КАЗАХСТАНА

(К XI конгрессу ИНКВА)

*№ 01. Рубрика
История геологии. 406 страниц
Ур Медоев*

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1982

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1982.— 64 с.

В монографии содержатся основные результаты изучения многочисленных находок каменных орудий палеолита Казахстана. Они имеют датирующее значение в стратиграфии рыхлого покрова, при установлении возраста рельефа, служат индикатором новейших тектонических движений в качестве геохронологических вех и источником для палеогеографических реконструкций.

Книга предназначена для геологов, археологов, геоморфологов. Библиогр. 44 назв. Ил. 29. Табл. 2.

Ответственный редактор

кандидат геолого-минералогических наук А. С. САРСЕКОВ

The present monography contains the main data obtained from the study of numerous palaeolithic stone tools in Kazakhstan. They are significant for dating the stratigraphy of unconsolidated nappe, for ascertaining the age of the relief, and serve as the index for the latest tectonic movements as the geochronological landmarks and as the source for paleogeographical reconstructions.

The book is intended for geologists, archeologists, geomorphologists.

Ref. 44. Ill. 29. Tabl. 2.

Managing editor

A. S. SARSEKOV, Candidate of Geologic-Mineralogical Sciences

М 20801—064
407(05)—82 Доп. 82.1904040000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1982.

О Т РЕ Д А К Т О Р А

Алап Георгиевич Медоев (1934—1980) рано ушел из жизни. Это был талантливый ученый с широким диапазоном научных интересов. Он одним из первых начал изучать культуры каменного века применительно к стратиграфии и палеогеографии антропогена Казахстана. Геология четвертичного периода и геоморфология, палеоклиматология и териофауна, эволюция *Homo sapiens* и этногенез, проблемы развития материальной культуры каменного века и первобытное искусство — вот неполный перечень тех вопросов, которыми занимался исследователь. Однако доминантой его научных исканий всегда оставался палеолит Казахстана.

В течение двадцати с лишним лет он проводил изыскания на территории республики — от Прикаспия до хребта Чингиз. В результате им было обнаружено множество местонахождений орудий каменного века, которые составили коллекцию из 200 тыс. предметов. Интерпретация их позволила датировать многие фаунистически неохарактеризованные толщи четвертичных отложений.

У исследователя были большие научные планы: закончить в ближайшие годы вторую часть книги «Гравюры на скалах», получившей высокую оценку на международной выставке научных и научно-популярных работ, а также опубликовать итоги исследований палеолита Казахстана и еще многие замыслы, которые он не успел осуществить.

Предлагаемая вниманию читателя книга — итог многолетних поисков и открытий А. Г. Медоева. Основное ее содержание выражено в двух аспектах: диагностика с учетом «принципа сделанности» и геохронология каменных орудий палеолита.

Книга является ценным теоретическим обобщением в па-

леолитоведении Казахстана. Она посвящена выяснению роли каменных индустрий древних гоминид в определении возраста отложений позднего кайнозоя и коррелятных им форм рельефа, а также в палеогеографических реконструкциях. В первой части ее изложены некоторые теоретические вопросы, касающиеся каменного века, и дан тщательный анализ исходного материала. Во второй рассмотрены вопросы геохронологии палеолита Казахстана. Следует сказать, что хронология палеолита — очень сложная и трудно разрешимая проблема. Тем не менее А. Г. Медоев в своей работе, по мнению специалистов, решает ее обоснованно, опираясь на данные как геологии, так и археологии.

Очень важно открытие автором на полуострове Мангышлак позднеплиоценовых (акчагыл и апшерон) культур каменного века, которые с аналогичными по возрасту археологическими материалами хребта Каратау (Южный Казахстан) открывают новые пути для поисков еще более древних каменных индустрий на юге СССР.

Эти находки сопоставляются с олдувайской культурой Восточной Африки и, по мнению автора, позволяют выдвинуть гипотезу об автохтонном пути становления древнего человека на территории Азии около 2 млн. лет назад.

Основной итог работы — хронологическая шкала палеолита, составленная для Казахстана впервые. Она увязана с единой геохронологической шкалой антропогена и представлена культурами: протолеваллуа — ашель на Мангышлаке, арыстанды в Южном Казахстане (поздний плиоцен), леваллуа — ашель I и II на Мангышлаке и в Левобережном Прииртышье (древний — средний плейстоцен), ашель в Сары-Арка (средний плейстоцен), мустье ашельской традиции фации леваллуа (вторая половина среднего плейстоцена — начало позднего плейстоцена), саяк, шахбагата I, кудайкаль I и II (культуры позднего палеолита, поздний плейстоцен). Думается, что предлагаемая шкала будет иметь большое значение при корреляциях различных фаций верхнего плиоцена и плейстоцена и, наконец, она позволяет поставить вопрос о широком использовании данных палеолита при решении проблемы нижней границы антропогена и рассмотрении его объема.

В конце монографии приводится список опубликованных А. Г. Медоевым работ.

А. С. Сарсегов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное исследование является обоснованием реализации археологических материалов в стратиграфии антропогенных отложений, геоморфологии, неотектоники и палеогеографии Казахстана¹. Вместе с тем это своего рода введение в проблему палеолита Казахстана — громадной страны, не изведанной еще во многих аспектах доистории и преемственности.

Геохронология палеолита неотделима от научных и философских вопросов антропогенеза.

Исключительно фундаментальный характер палеолитоведения — аксиома, а участие в его развитии выдающихся представителей различных направлений советской геологии — традиция, связанная с деятельностью В. И. Вернадского, А. П. Павлова, В. И. Громова и др.

Еще на заре становления палеолитоведения в качестве синтетической дисциплины (на стыке естественноисторических и гуманитарных наук) стало ясно, что археология своими средствами не в силах разрешить проблему происхождения человека (Обермайер, 1913). Это глубоко понимал В. И. Вер-

¹ Территория Казахстана, как известно, крайне бедна остатками териофауны антропогенного периода, что затрудняет разработку стратиграфии континентальных и морских осадков (Лебедева, 1978). Неравномерность и редкость местонахождений ископаемой териофауны обусловлены объективными факторами геологической истории плейстоцена. Например, в Северном Прибалхашье, на Мангышлаке и Устюрте их не удастся обнаружить и при самых упорных, целенаправленных поисках, за исключением раскопок пещерных стоянок, в количестве и формах которые бы соответствовали условиям биостратиграфии.

надский. Его гениальное эмпирическое обобщение о появлении человека и научно мыслящего наблюдателя на Земле в конце плейстоцена, несколько миллионов лет назад (Вернадский, 1975), сделанное задолго до сенсационных и эпохальных открытий в Восточной Африке, все еще остается тайной за семью печатями для историков — исследователей первобытного общества (Борисковский, 1979).

Именно сейчас, как никогда, становится ясно, что «человек пережил в своем историческом бытии геологические изменения планеты, даже выходящие за пределы биосферы», а «в сознании его поколений переживается не историческое, но геологическое время»². На пороге XXI в., когда выход человека в космос стал привычной реальностью, а освоение Галактики — задачей не столь уж отдаленного будущего, ученый мир начинает, наконец, осознавать пророческий характер высказывания Ф. Энгельса о единстве естествознания и наук о человеке.

Изучение палеолита Институтом геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР, начатое в 1960 г., оказалось перспективным³, а включение данной темы в план научно-исследовательских работ 1976—1979 гг. — своевременным. Это редкий и счастливый случай, когда сугубо практические запросы дня находятся в органичном единстве с фундаментальными проблемами грядущего. Беспрецедентно острая потребность современного человечества заглянуть в самые темные глубины своего прошлого стимулируется конкретными запросами проникновения научной мысли за пределы биосферы, в бесконечные дали вселенной.

² Это одно из тех эмпирических обобщений В. И. Вернадского, которые, по его убеждению, лежат в основе «всех наших геологических представлений, хотя большинство наших геологов этого не осознает, не признает и выводов из этого не делает» (Вернадский, 1975, с. 73).

³ Изучение палеолитического и неолитического материала (около 200 тыс. образцов), собранного за 1960—1979 гг. автором и его коллегами — сотрудниками сектора четвертичной геологии и геоморфологии, позволило выделить основные ареалы и этапы эволюции каменных индустрий Казахстана. Такая большая работа не может, разумеется, претендовать на безупречность, хотя критерии геохронологического порядка, выведенные на основе диагностики разновозрастных комплексов каменной индустрии, вошли в интерпретации ряда частных и обобщающих исследований по антропогену Северного Прибалхашья, Левобережного Прииртышья, Средней и Северо-Восточной Азии и т. д.

В свете современного состояния мировой науки о происхождении человека территория Казахстана (с ее особым географическим положением в Евразии и относительной близостью к Восточной Африке) представляется, судя по облику и содержанию древнепалеолитических культур, а также их геологическому возрасту, уникальным источником для решения ряда ключевых вопросов происхождения и первоначального расселения человека.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА ПРИ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Любая коллекция (чистый или смешанный комплекс) палеолитических вещей и даже единичный образец несут в себе геохронологическую информацию. Возможность ее получения находится в непосредственной зависимости от метода исследования, специфики истории геологического развития того или иного ареала и, наконец, от эрудиции исследователя. Так, согласно Н. И. Николаеву, «чрезвычайно убедительный материал в отношении новейших тектонических движений представляют археологические данные. Очень много самых разнообразных примеров, наглядно иллюстрирующих применение этого метода, можно найти в старых работах Ч. Ляйэлла» (Николаев, 1949, с. 106).

Классическая монография В. И. Громова (1948) и, например, недавно вышедшая работа С. М. Цейтлина (1979) не могут служить практическим руководством для решения соответствующих вопросов относительно Казахстана по ряду причин, среди которых главными являются оригинальность большинства палеолитических культур этой страны и своеобразный характер условий залегания образцов каменных индустрий. Отсюда должно быть понятно внимание, уделенное здесь теоретическим и методическим аспектам.

При изучении технико-типологического соотношения комплексов следует учитывать реальность реликтовых (пережиточных), а также синстадиальных, но асинхронных

культур. Без этого аспекта геохронология палеолита — фикция¹.

Деление материала на открытый и ископаемый не должно быть формальным². Первый контролирует второй, который, в свою очередь, вносит коррективы в общую картину, где комплексы распределены в соответствии с трансгрессиями и регрессиями, «приливами и отливами», с поднятием и опусканием морских берегов и т. д.

С одним ископаемым материалом невозможна полноценная работа над проблемой эволюции каменных индустрий.

В Казахстане громадные ареалы аридной зоны представлены стоянками и стоянками-мастерскими открытого (наземного) типа, на которых готовая продукция и отходы производства³ залегают в виде сплошного покрова на больших площадях, составляя техногенные горизонты, закономерно приуроченные к определенным формам рельефа (рис. 1). Они лежат на рыхлом чехле антропогена (террасы сухих долин, шлейфы конусов выноса) или на абразионных площадках морских террас Каспийского моря (Мангышлак)⁴. Состав этих техногенных отложений разновременный, состоящий из предметов древнего и позднего палеолита, которые не имеют следов окатывания и могут быть приняты и принимались иногда за элювий весьма опытными геологами. Датировка искусственно расколотого и обработанного камня может быть установлена с гораздо большей приближенностью к событиям геологической истории, чем элювий или генетически иной тип отложе-

¹ Очень важно было выделить в Казахстане комплексы каменных индустрий позднего палеолита, которые, безусловно, относятся к плейстоцену. В Азии, как и в Африке, это иногда представляет особую трудность. Поэтому наряду с палеолитом столь же неременной задачей в программу работ входил неолит, хотя исследователь плейстоценовых культур в Европе, начиная с возникновения первобытной археологии, далек от необходимости изучать каменный век в целом.

² Современный подход к так называемому подъемному материалу в том виде, в каком он практикуется, является крайне дилетантским.

³ Полный цикл: от первого удара камня о камень до совершенного орудия.

⁴ Здесь, как и в Африке (Египет, страны Магриба), практически не накопился (в силу специфики процессов денудации и аккумуляции) рыхлый покров на позициях, служивших местом стоянки ископаемого человека. Комплексный анализ стоянок открытого (наземного) типа Мангышлака позволяет обнаружить исключительно ценные факты для сопоставления континентальных и прибрежно-морских событий плейстоцена.

Семизбугу, долины Туранга и Кызылкайнара в Северном Прибалхашье) дает в смешанных и непереотложенных комплексах дополнительный критерий для технико-типологического анализа при установлении последовательности создания предметов древнего (ашель, мустье) и позднего палеолита (саяк). Так, нуклеусы и орудия саякской культуры из алевролитов черного, можно сказать, аспидного цвета, нередко сделаны из древних сколов и орудий с интенсивной, т. е. густой и глубокой патинной яркого охристого или коричневого цвета с блестящей фактурой (люстраж) часто слегка маслянистого оттенка, что в сочетании с совершенными формами придает благородный вид истинно архаичным вещам из хорошо окремненных пород.

Саякская обработка (негативы, фасетки) вскрыла на них черные участки, которые резко дисгармонируют с патинизированной поверхностью. Поскольку саякская культура есть, безусловно, автохтонная производная местного мустье ашельской традиции фации леваллуа, то это наблюдение служит документальным свидетельством длительного временного интервала между концом здесь древнего и развитой фазой позднего палеолита. На всех крупных местонахождениях Северного Прибалхашья, где оставлен разновозрастной материал, присутствуют также вещи со слабой патинной и шероховатой фактурой, относящиеся к переходной от мустье к саяку стадии. В горах Хантау наряду с эпизодическим вторичным преобразованием древних вещей отмечается массовое использование мустьерских отщепов и пластин (леваллуа и нелеваллуа), а также орудий для изготовления новых орудий в совершенно иных типологических традициях и забвение производства сколов-заготовок. Этот случай можно отнести к деятельности каких-то современников саякской культуры.

Устойчивые серии орудий архаичных культур в общих чертах синхронны, что подтверждается реликтивными комплексами с резкими признаками упадка, фиксируемыми в голоцене.

Аномалии типологического характера не меняют существенным образом общей картины. Некоторые мастера древнего и позднего палеолита, возможно, работали, не считаясь с заказчиком (социальной средой), но стиль их продукции все равно был спаян с эстетическим течением и нормой данной эпохи. Новаторство и искания палеолитического мастера контролируются при диагностике промежуточными, но достаточно

убедительными сериями. (В Северном Прибалхашье между собственно мустье и уже сложившимся саяком четко выражен переходный этап.)

Если многочисленный разновременной материал крупной стационарной стоянки разделить на основные звенья согласно периодизации, например, коллекцию в 50 000 образцов из залежей в горах Семизбугу, в которых выделяются ашель, мустье, саяк («триада» палеолита Северного Прибалхашья), и условно менять эти звенья местами с соответствующими комплексами многочисленных эфемерных стоянок (в среднем от 50 до 500 образцов) этого ареала, т. е. начать «киносъемку» в одном месте, продолжить ее во втором и закончить в третьем, то результат монтажа таких фрагментов будет отвечать картине одного места действия эволюции.

«Для жизни время, с геохимической точки зрения, выражается в трех разных процессах: во-первых, время индивидуального бытия, во-вторых, время смены поколений без изменения формы жизни и, в-третьих, время эволюционное — смены форм одновременно со сменой поколений» (Вернадский, 1975, с. 31).

Результаты целенаправленного раскалывания и обкалывания горных пород руками ископаемых гоминид являются проявлением деятельности индивида, археологической культуры, формации, но степень научной детализации их ритмов в ходе времени неоднозначна.

Геохронологическая панорама палеолита составляется из ряда эпизодов и сравнительно длительных отрезков, зафиксированных в различных местах и на различных этапах существования. В одних случаях археолог может уверенно указать на события геологической истории в том или ином ареале, с которыми связано завершение или упадок определенной традиции, но не знает ее начала, а в других — он, скорее, может указать на начало и конец отрезка цепи эволюции, например, от ашеля до саяка в Северном Прибалхашье, но не может разбить его на геохронологические звенья, причем при ясности археологической периодизации. Но такая ситуация способна внести резонные сомнения в устоявшиеся представления и дать толчок для исследований под неожиданным углом зрения (подчас экстравагантным) в геолого-геоморфологическом контексте. Для зарубежной геологии в этом нет ничего нового. Так, у французских спе-

циалистов по «живой тектонике» сложился особый лексикон, в котором термины археологии и геологии образуют самостоятельные понятия типа «ашельская складчатость», «предмустьерская фаза диастрофизма» и т. д. (Кастани, 1957).

Успехи стратиграфии антропогена, геоморфологии, неотектоники и палеогеографии в Казахстане станут тем выше, чем активнее в них будут реализовываться проблемы, поставленные археологом.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И АРЕАЛЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КАЗАХСТАНА

Ареальный принцип служит предпосылкой и основой хронологических построений.

Мангышлак (Западный Казахстан): протолеваллуа — ашель, леваллуа — ашель I и II, шахбагата I (поздний палеолит), шахбагата II (эпипалеолит). Сырьем индустрии этих культур служили кремнистые пласты, линзы, конкреции светло-серого цвета, иногда с розоватым оттенком из обнажений датского яруса верхнего мела (Трифонов, Василенко, 1963). Материал (коллекции) со стоянок и стоянок-мастерских, расположенных у зал. Сарыташ на п-ове Тюбкараган и в долине Кумакапе (Северный Мангышлак). Многочисленные местонахождения палеолита обнаружены и в других частях Мангышлака почти повсюду, где есть кремнистые конкреции в карбонатных породах датского яруса (рис. 2), но они не исследовались, так как все внимание было уделено изучению стоянок у зал. Сарыташ. Здесь прослежены основные этапы эволюции палеолитических культур Мангышлака, которые, по видимому, имели место в Арало-Каспийском ареале в целом. Условия залегания каменного материала позволяют сопоставить эти этапы с событиями геологической и геоморфологической истории данного ареала. У зал. Сарыташ отмечается уникальное на территории СССР сочетание на одном участке смешанного и чисто палеолитического материала на береговых валах, морской и речных террасах в ископаемом и открытом состояниях, что открывает возможность широких корреляций, далеко выходящих за пределы Понто-Каспия.

Состав индустрии культуры протолеваллуа — ашель: нуклеусы протолеваллуаского типа; крупные и массивные сколы леваллуа (в основном отщепы прямоугольной формы); раз-

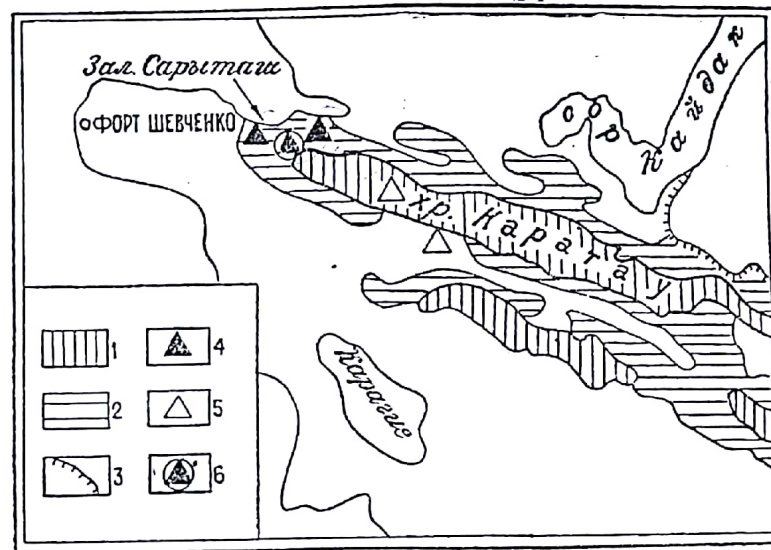

Рис. 2. Геологическая схема хр. Каратау, Мангышлак (по Н. К. Трифонову, В. П. Василенко, обобщения А. Г. Медоева) и стоянки каменного века

1 — пермские и триасовые сланцы и песчаники хр. Каратау — сырье каменных индустрий неолита; 2 — верхнемеловые датского яруса карбонатные породы с кремнистыми конкрециями — сырье каменных индустрий палеолита; 3 — западный чинк Устыурта; стоянки открытого типа: 4 — палеолита, 5 — неолита; 6 — местонахождения ископаемых образцов

личные бифасы из краевых отщепов, обработанные сколами по краям; кливеры, изготовленные бидорзальной техникой; колуны из отщепов; сколы техники комбева (бивентральные), представляющие собой готовые, практически без вторичной обработки колуны, и т. д. У некоторых вещей этого типологического ряда обнаруживается разительное сходство с орудиями олдувайской культуры.

Теоретически между протолеваллуа—ашелем и леваллуа—ашелем I должен быть транзитивный этап, но он не фиксируется на археологическом материале. Леваллуа—ашель I — это средний ашель по нормам, установленным в палеолите Африки и Европы. Возможно, что в протолеваллуа—ашеле смешаны образцы олдувайской культуры и древнего ашеля. В леваллуа—ашеле I уже сравнительно мало колунов и кливеров. Ашельский этап развития начинается, как

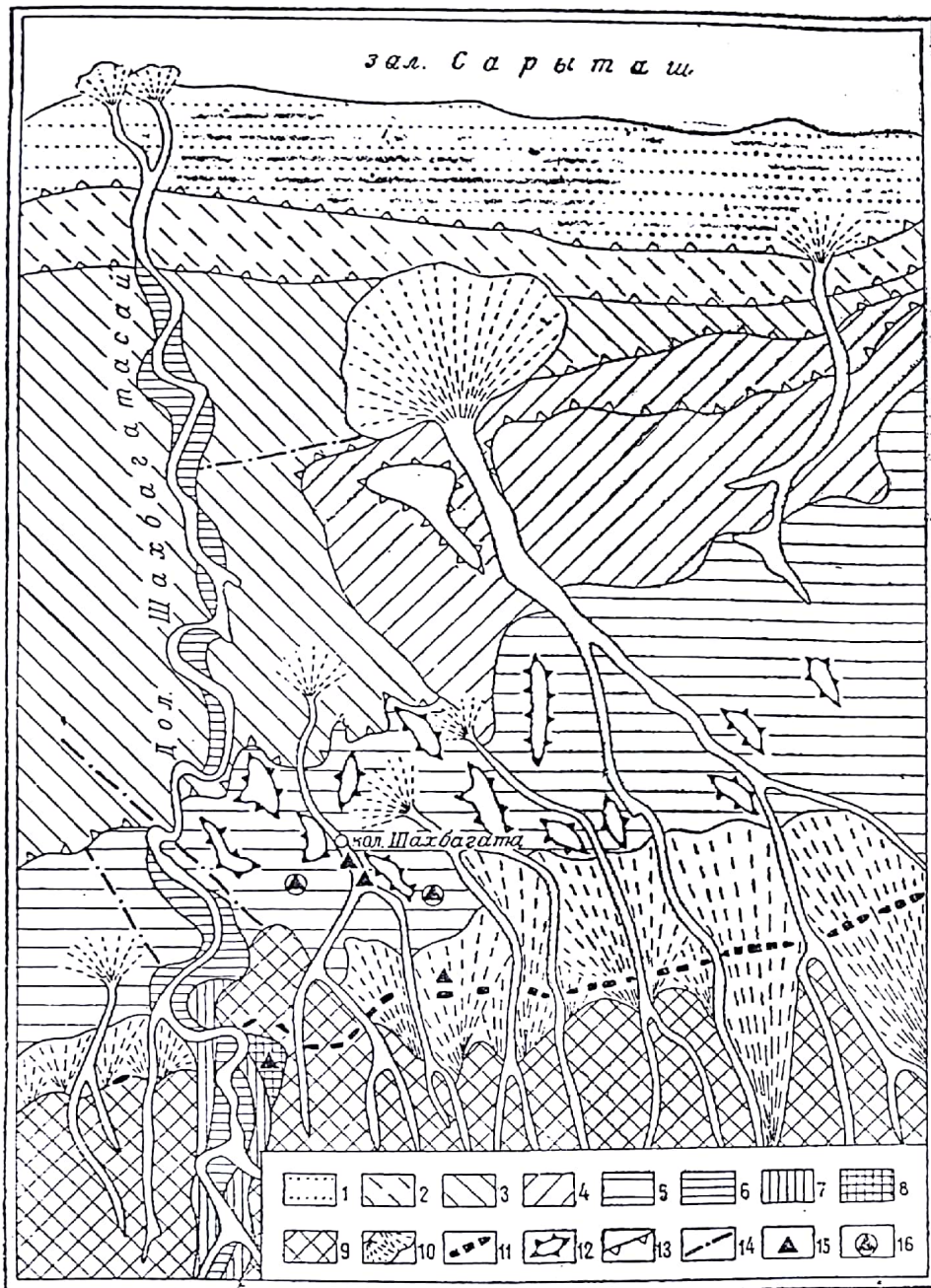

Рис. 3. Геоморфологическая схема побережья зал. Сарыташ, Мангышлак (по Г. М. Потановой) и местонахождения орудий каменного века
Террасы: 1 — пляжная, Q_4 ; 2 — новокаспийская, Q_{4pk} ; 3 — позднехвалын-

известно, с появлением рубил (Григорьев, 1977; Алиман, 1960; Кларк, 1977). Второй признак этого нового этапа (после олдувая) — появление колунов и кливеров, а также техники комбева. Бифасы протолеваллуа — ашель отличаются своеобразием и почти не имеют аналогов (Медоев, 1968, 1972). Они намеренно сделаны из краевых отщепов и с двух сторон оббиты мелкими сколами строго по краям. Негативы отделки не заходят далеко на вентральную и дорзальную (с коркой выветривания) стороны. За счет формы скола-заготовки при крупных, часто гигантских размерах, эти орудия имеют незначительную толщину ($14 \times 11,5 \times 3,8$; $27,5 \times 22,5 \times 5,7$; $32 \times 23,5 \times 10,2$ см); один фас слегка выпуклый (вентральный), а другой плоский, образованный довольно ровной поверхностью корки выветривания⁶.

В ассоциации с бифасами из краевых заготовок присутствуют орудия из сколов протолеваллуа с полностью ограниченными в субпараллельном плане дорзальными частями. Очертания таких заготовок правильные и четкие (прямоугольник, трапеция), размеры крупные ($17,5 \times 28,8 \times 8$ см) и очень крупные ($24,5 \times 35 \times 12$ см).

Коллекции культуры протолеваллуа — ашель получены с двух основных местонахождений: русло безымянного лога с колодцем Шахбагата и фрагмент четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Единичные, но очень представительные образцы извлечены из-под рыхлого чехла, прикрывающего здесь абразионную морскую поверхность (рис. 3).

Образцы леваллуа — ашель I и II, шахбагаты I и II залегают на древних береговых валах, морской абразионной тер-

⁶ Более развитая форма этого типа бифаса представлена в Левобережном Прииртышье на стоянке у оз. Кудайколь в леваллуа — ашеле I — первая половина среднего плейстоцена (Медоев, 1968), что согласуется с субстратной ролью культуры протолеваллуа — ашель Мангышлака.

ская, Q_3hv_2 ; раннехвалынская, Q_3hv_1 ; 4 — абразионная по бакинским отложениям; 5 — аккумулятивная (по А. Г. Медоеву — позднелиценская, N_2^3); террасы долины Шахбагатасай: 6 — пойменная, Q_4 ; 7 — первая надпойменная, Q_3^2 ; 8 — вторая, третья и четвертая надпойменные; 9 — плато Тюбкараган по известнякам, K_2d ; 10 — шлейфы и отдельные конусы выноса, Q_3-4 ; 11 — остатки и следы берегового вала раннехвалынского моря; 12 — денудационный останец; 13 — абразионный уступ; 14 — тектонический разлом по аэроснимку; палеолитические стоянки: 15 — открытого (наземного) типа, 16 — местонахождения ископаемых образцов палеолита

расе, третьей надпойменной террасе долины Шахбагатасай и частично на плато, а также ступенчатых склонах плато Тюбкараган (рис. 4). В первых трех случаях геоморфологическая позиция и археологический материал сопряжены согласно палеогеографическим закономерностям.

Рис. 4. Клад заготовок нуклеусов леваллуа, залегающих на плато Тюбкараган у зал. Сарыташ, Мангышлак (в середине снимка — карандаш для масштаба)

Для индустрии протолеваллуа—ашель в производство шло сырье пластов и линз⁷, а для всех остальных — конкреции.

При генетической связи, прослеживаемой здесь в техническом плане и типологии орудий, вплоть до сохранения техники бивентрального скола (комбева), фиксируется резкая смена

⁷ Как исключение можно указать на использование в качестве исходной формы для орудий очень сильно окатанных морских галек из кремнистой породы серого цвета, из которой сделаны вещи типа чоппер и чоппинг-тул.

исходной формы геологического тела сырья⁸, хотя конкреции были уже явно обнажены верховьями долин амфитеатра зал. Сарыташ в эпоху протолеваллуа—ашель. Размеры заготовок и орудий леваллуа—ашеля уменьшились по сравнению с гигантскими образцами предшествующей культуры в среднем вдвое, что и явилось причиной перехода к конкрециям.

В леваллуа—ашеле I бифасы древнейших типов исчезают, а появляется ряд классических форм, например, копьевидный и лиманд.

Для леваллуа—ашеля II характерны очень уплощенные бифасиальные наконечники копий и ножи с искусственным обушком.

Леваллуа—ашель II — эквивалент мустьерских культур⁹. Эта индустрия плавно переходит в позднепалеолитическую фазу, сохраняя черты субстрата, но не в таком архаичном составе и виде, как саяк в Сары-Арка (Медоев, 1976), который обязан своим происхождением мустье ашельской традиции фации леваллуа.

Сары-Арка. В Центральном Казахстане имели место две основные линии эволюции: ашель и мустье ашельской традиции фации леваллуа на южном скате и в районе Главного водораздела, леваллуа—ашель на северном скате и к западу от оз. Балхаш. На базе мустье ашельской традиции и в Северном Прибалхашье сложилась позднепалеолитическая культура, названная «саяк» (по автохтонному топониму). Саяк может рассматриваться в качестве эталона культуры позднего палеолита Сары-Арка. Его технико-типологические слагаемые выведены на громадном и исключительно выразительном материале стоянок-мастерских гор Семизбугу (свыше 50 000 образцов) и стоянок сухих долин — Туранга (рис. 5; Медоев,

⁸ Сходная картина наблюдалась и с появлением культуры микролитов в голоцене, когда на смену крупным и довольно правильным конкрециям, эксплуатируемым палеолитическими мастерами, пришли мелкие (темных оттенков) и неправильные, причем распространенные в том же датском ярусе, но во внутренних районах Мангышлака (хр. Северный Актау и т. д.).

⁹ Индустрия Сталинградской стоянки (Замятнин, 1961) является, по существу, далеко не мустьерской. Это типичный вариант развития последнего этапа древнего палеолита, минуя мустьерский путь, по леваллуа—ашельскому пути. Техника Сталинградской стоянки — почти тотальное леваллуэ, о чем можно уверенно судить по рисункам нуклеусов, которые С. Н. Замятнин определил дисковидными. В ее типологии ведущий признак — бифасные наконечники копий, что сближает эту индустрию с материалами леваллуа—ашеля II Мангышлака.

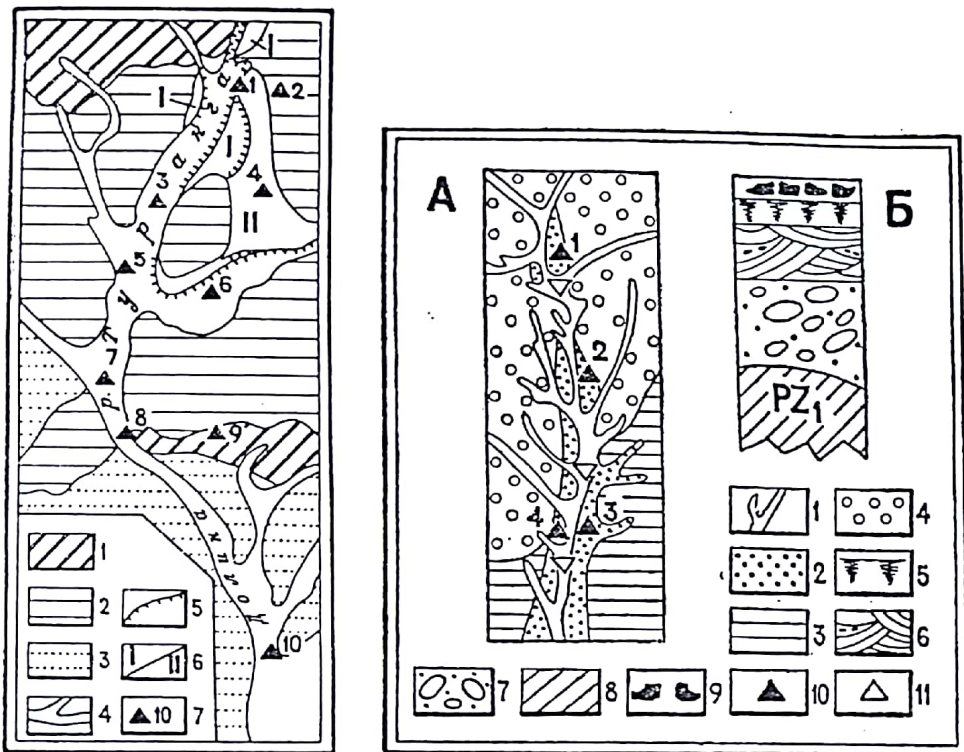

Рис. 5. Геоморфологическая схема средней части долины Туранги, Северное Прибалхашье (по Т. Н. Джуркашеву, обобщения А. Г. Медоева) и местонахождения палеолитических стоянок

1 — мелкосопочник; равнины: 2 — денудационная, 3 — аккумулятивная, 4 — сухая долина, 5 — уступ аккумулятивной террасы; 6 — надпойменные террасы: I — первая, II — вторая; 7 — палеолитические стоянки открытого (наземного) типа

Рис. 6. Геоморфологическая схема средней части долины Кызылкайнар, Северо-Восточное Прибалхашье (по Л. Д. Кудерной, обобщения А. Г. Медоева) и местонахождения палеолитических стоянок

А — геоморфологическая схема: 1 — сухое дно долины и первая надпойменная терраса; 2 — вторая надпойменная терраса; 3 — денудационная равнина; 4 — мелкосопочник. Б — строение второй надпойменной террасы долины Кызылкайнар (сверху вниз, мощность, м): 5 — почва — 0,2; 6 — косослоистые пески с линзами щебня и галечника — 0,8; 7 — валунные галечники с песчаным заполнителем — 1,0; 8 — нижний палеозой: кремнистые сланцы, порфириды, кварциты и др.; 9 — инвентарь палеолита; 10 — палеолитические стоянки открытого (наземного) типа; 11 — единичные находки образцов культуры микролитов

1962; Джуркашев, 1972), Кызылкайнар (рис. 6; Кудерина, 1967) и в целом всего Северо-Восточного Прибалхашья (рис. 7).

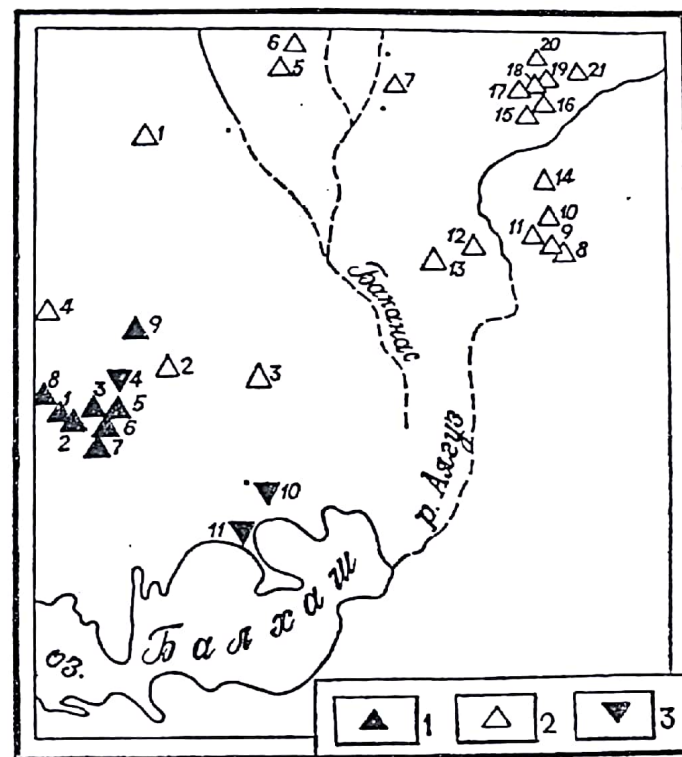

Рис. 7. Схема расположения палеолитических и неолитических стоянок в Северо-Восточном Прибалхашье

Стоянки открытого (наземного) типа: 1 — палеолитическая; 2 — неолитическая; 3 — единичные образцы палеолитической индустрии с открытых местонахождений. 1—21 — номера полевой документации

На территории, простирающейся к северу от Главного водораздела, распространены в основном местонахождения древнего палеолита, представленные, как правило, чистыми комплексами мустье ашельской традиции фашии леваллуа на эфемерных стоянках. Они постепенно убывают по мере удаления от водораздела и полностью исчезают в междуречье Шидерты—Иртыш, где безраздельно господствует традиция

леваллуа—ашеля. Позднепалеолитический материал (вариации саяка) сравнительно редок и немногочислен. Стоянки и стоянки-мастерские в подавляющем большинстве открытого (наземного) типа. В пределах ареала могут быть выделены зоны с относительно своеобразными комплексами и аномалиями.

Леваллуа—ашель I и мустье разных технико-типологических группировок представлены к западу и юго-западу от оз. Балхаш—горы Бале (стоянка с треугольным бифасом, финальный ашель), Джамбул и Хантау. Здесь очень редки следы позднего палеолита, а состав их элементарных технико-типологических ассоциаций не отвечает условиям локализации структур. Эталонной является очень крупная стоянка у гор Хантау, давшая комплекс мустье ашельской традиции фауны леваллуа (свыше 10 000 образцов).

Леваллуаско-ашельская тенденция проявилась в Сары-Арка не в таком тотальном виде, как на Мангышлаке, но ее генез, очевидно, связан с субстратом типа протолеваллуа—ашель. Чистые комплексы залегают на эфемерных стоянках. Одна из них (леваллуа—ашель II) обнаружена в долине р. Шидерты на второй надпойменной террасе (Аубекеров, Чалыхьян, 1974).

Геоморфологический аспект палеолитических стоянок Сары-Арка характеризуется двумя основными позициями: шлейф конуса выноса и вторая надпойменная терраса. Кроме того, имеются стоянки и стоянки-мастерские на вершинах сопков, сложенных коренными породами (палеозой). Геохронологическое значение таких местонахождений заключается в коррекции смешанных комплексов, залегающих на долинных террасах (рис. 8).

В целом картина культур палеолита Сары-Арка более разнообразна, судя по пестроте «мустьерского комплекса», по сравнению с Мангышлаком, в том числе и за счет различного сырья, что, безусловно, требует детальных исследований локальных группировок мустье. Ассоциация «скребло—остроконечник» не исчерпывает типологический арсенал мустье Сары-Арка. Так, для стоянок, расположенных на Северном склоне Главного водораздела, характерны лимасы.

Левобережное Прииртышье: леваллуа—ашель I и II, Кудайколь I и II (поздний палеолит), Кудайколь III (эпипалеолит). Стоянки и стоянки-мастерские расположены на

останцах четвертой и третьей озерных террас озер Кудайколь (рис. 9), Карасор и на поверхности увалов и гряд между речья Шидерты—Иртыш (Медоев, 1968; Аубекеров, Чалыхьян, 1974).

Сырье палеолитических индустрий — светло-серые кварцитовидные песчаники (мелкозернистые, плотные) палеогена,

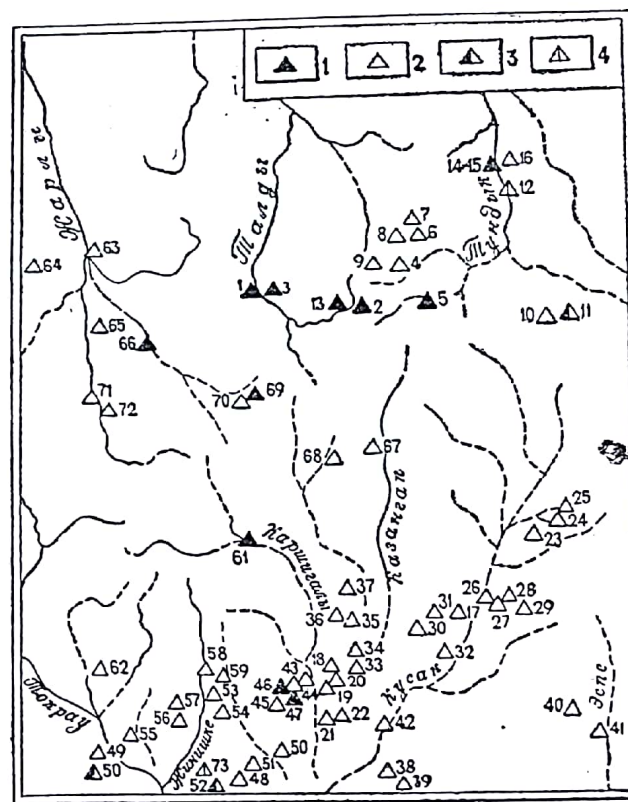

Рис. 8. Схема расположения палеолитических и неолитических стоянок на восточном участке Главного водораздела Сары-Арка

1 — палеолитические стоянки-мастерские и стоянки открытого (наземного) типа; 2 — неолитические родниковые стоянки открытого (наземного) типа; 3 — палеолитические стоянки-мастерские, совпадающие с неолитическими родниковыми стоянками; 4 — местонахождения наскальных гравюр. 1—73 — номера полевой документации

залегающие крупными массами и в виде элювия в непосредственном контакте со стоянками.

Периодизация палеолита Левобережного Прииртышья построена путем последовательной локализации элементарных технико-типологических ассоциаций, следуя топографии местонахождений, геоморфологическим позициям и геологической ситуации.

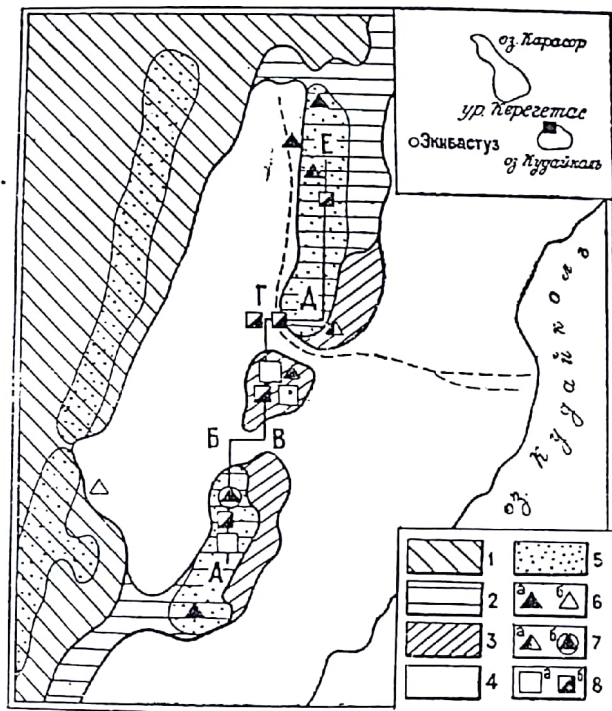

Рис. 9. Геоморфологическая схема северо-западного приозерья Кудайколь—ур. Керегетас, Левобережное Прииртышье и местонахождения каменной индустрии (по Б. Ж. Аубекерову)

1 — пластовая равнина палеогена, осложненная позднейшей денудацией; мезоплейстоценовые надпляжные террасы оз. Кудайколь: 2 — четвертая; 3 — третья; 4 — денудированный склон побережья оз. Кудайколь; 5 — останцы кварцитовидного песчаника, бросирующие водоразделы равнины и четвертую террасу. Местонахождения каменной индустрии открытого (наземного) типа: 6 — палеолита (а) и неолита (б), 7 — смешанные палеолита и неолита (а), ископаемые образцы палеолита (б); 8 — квадраты полных сборов образцов палеолита (а) и шурфы (б). А—Е — направленные профили (см. рис. 10)

Стоянка-эталон древнего палеолита на северо-западном побережье оз. Кудайколь расположена на четвертой надпляжной — самой высокой его террасе (рис. 10). Образцы каменной индустрии не имеют признаков перемещения и залегают очень плотными скоплениями. Это тысячи и десятки тысяч нуклеусов леваллуа, сколов, орудий из сколов, а также бифасов. Они перекрыты делювиальными отложениями ма-

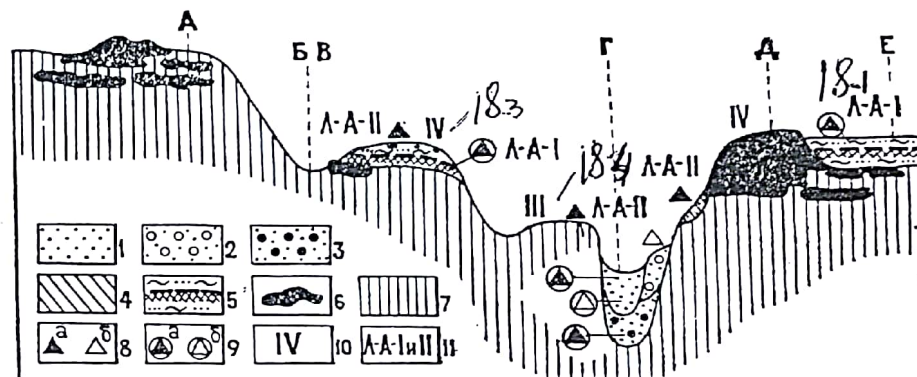

Рис. 10. Схематический профиль приозерных террас Кудайколя по линии А—Е (по Б. Ж. Аубекерову; см. рис. 9)

1 — аллювий голоценового лога с ископаемыми образцами палеолита и неолита; 2 и 3 — аллювий позднелюстоценового лога с ископаемыми образцами палеолита; 4 — делювий на уступе четвертой террасы, поверх которого находятся образцы палеолита; 5 — культурный слой палеолита на погребенной почве; 6 — глыба кварцитовидного песчаника; 7 — пески и глины палеогена; 8 — открытые (наземные) местонахождения палеолита (а) и неолита (б); 9 — ископаемые палеолита (а) и неолита (б); 10 — номенклатура надпляжных террас; 11 — индексы культур палеолита

лой мощности — супесью с примесью щебня. Склон останца озерной четвертой террасы перекрыт делювием, на котором залегают открытые материалы леваллуа—ашеля II в непереотложенном виде на уровне третьей озерной террасы (рис. 10).

Террасы верхнего яруса оз. Кудайколь рассечены логами, в которых представлена ископаемая индустрия эпипалеолита — кудайколь III, классифицируемая в качестве финальной фазы палеолита Левобережного Прииртышья, а по берегам этих логов залегают в открытом виде образцы позднего па-

леолита — стоянки культуры кудайколь I, причем гипсометрически ниже стоянок леваллуа—ашеля II.

Эта последовательность появляющихся и исчезающих культур, (учитывая, разумеется, их трансформации) похожа на железнодорожное расписание, в котором забыли указать время отправления и прибытия поездов, является основой периодизации палеолита и даже при условностях геохронологического порядка служит благодатной базой геоморфологических и стратиграфических построений.

Леваллуа—ашель, кудайколь I и II (поздний палеолит) и кудайколь III (эпипалеолит) относятся к одной эволюционной линии, хотя между древним и поздним палеолитом Левобережного Прииртышья значительный хронологический разрыв (Медоев, 1968). Эпипалеолитическая культура — прямая производная позднего палеолита, его финальная фаза. Она характерна для этого ареала, в котором, как и на Мангышлаке, где также наблюдался эпипалеолитический этап (шахбагата II), экологическая катастрофа конца плейстоцена наступила позже, чем, например, в Северном Прибалхашье, а дыхание аридизации сказывается легче и в современную эпоху. Культура микролитов эпохи неолита здесь, так же, как и в Сары-Арка, неавтохтонна, стоянки встречаются гораздо реже, чем в других более южных ареалах Казахстана, а инвентарь значительно обеднен. Это явная периферия микролитической зоны.

Картина последовательного развития доисторических культур Левобережного Прииртышья осложнена странной и непонятной (на первый взгляд) каменной индустрией. В ней наглядно проявлена реликтовая традиция в стиле псевдодревнепалеолитических культур Азии. Ее техника направлена не на преодоление формы косной материи, а следует ей по инерции, идя по пути наименьшего сопротивления. Типология отличается здесь подозрительно сильной архаичностью (она-то и вводит часто в соблазн даже опытных исследователей). Упадку техники и типологической примитивности под стать и сырье, представленное наиболее худшими разновидностями кварцитовидных песчаников, причем не добываемых из свежих, невыветрелых масс, как это делалось для древних индустрий, а подбираемых в элювиальных обломках. Отсюда аномально колоссальное количество брака и вышедших из употребления в результате поломки орудий на стоянках кара-

сорской культуры. На таком фоне самые грубые, но, разумеется, сделанные, т. е. типологически завершенные, ашельские образцы производят впечатление шедсвров. (Истинная арханка каменных индустрий всегда отличается совершенством и благородством.)

Выделенная впервые на территории Левобережного Прииртышья, эта реликтовая индустрия получила название карасорской культуры (по местонахождению наиболее густого распространения ее образцов у оз. Карасор, точки сбора № 7, 8, 11, 16, 23, 28; 1964 г.) (рис. 11). В итоге стали понят-

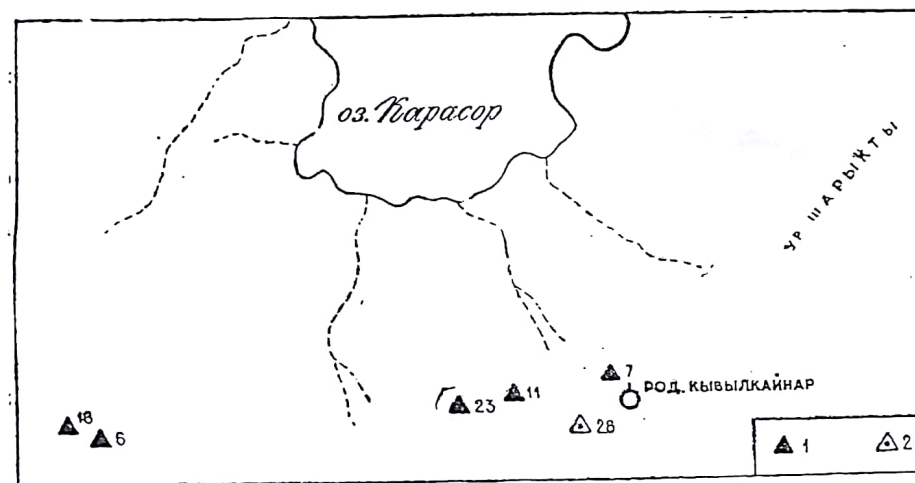

Рис. 11. Схема местоположений стоянок каменного века около оз. Карасор. Открытые (наземные) стоянки палеолита (1) и карасорской культуры (2)

ны единичные орудия ее типов, которые в виде незначительной примеси иногда встречаются в ассоциации с палеолитическим и неолитическим материалом Сары-Арка.

В результате изучения технических и типологических слабых выборочных (контрольных) серий (точки сбора № 62, 16, 28, всего 1229 образцов) был детально обоснован этот археологический феномен. В орудийном ряде доминируют бифасы и топоры (возможно, кирки) с перехватом (боковыми выемками), различные инструменты с вогнутым рабочим

краем, отличающиеся иногда оригинальными формами, например, с V-образной выемкой.

Основные дефиниции по реликтовым индустриям Азии определены А. П. Окладниковым на материалах Таджикистана (гиссарская культура) и Дальнего Востока (осиновская культура). Их, казалось бы, нарочитая архаичность воскрешает в памяти привычную картину древнепалеолитических традиций. Создается впечатление, что древнепалеолитическая техника, а равно и типология, еще функционируют, но находятся в состоянии деградации (Окладников, Деревянко, 1973).

Карасорская техника может квалифицироваться в качестве реминисценции леваллуаской традиции. Это ставит ее в особое положение по отношению к другим реликтовым индустриям, в которых чаще всего наблюдаются пережитки клетонской техники.

Вторичная обработка карасорских сколов-заготовок, т. е. изготовление из них орудий, за исключением единичных экземпляров, почти не практиковалась. Орудия сделаны из естественных обломков горных пород со сглаженными гранями и ребрами (элювий). Больше всего получено бифасов (7,5%). В отличие от классических образцов они обработаны не по всей поверхности, а только по краям, негативы не доходят до середины в среднем 3—4 см. Обработка по всей поверхности наблюдается очень редко. Самая характерная черта производства орудий — не преобразовывать исходную форму-заготовку (отщеп), чаще всего естественный обломок, согласно потенциально заданной форме, а подправлять ее, следуя естественным очертаниям.

Хр. Чингиз (Восточный Казахстан). В пределах этого хребта обнаружена лишь одна открытая палеолитическая стоянка, расположенная на фрагменте древнего шлейфа конусов выноса в юго-восточной части гор Окпекты (рис. 12, 13). Ее образцы (около 200 экземпляров) составляют великолепный комплекс мустье ашельской традиции фации леваллуа, обогащенный скреблами типа кина и полукина (Медоев, 1962). В коллекции нет ни одного нуклеуса, а почти все сколы превращены в орудия путем вторичной обработки. Сырье индустрии невероятно разнообразно. Можно подумать, что здесь была поставлена задача собрать образцы горных пород палеозоя со всей территории хр. Чингиз. От индустрий

мустье других ареалов Казахстана эта уникальная коллекция отличается исключительно рафинированной техникой леваллуа, наличием ударных площадок в форме «шапки жандар-

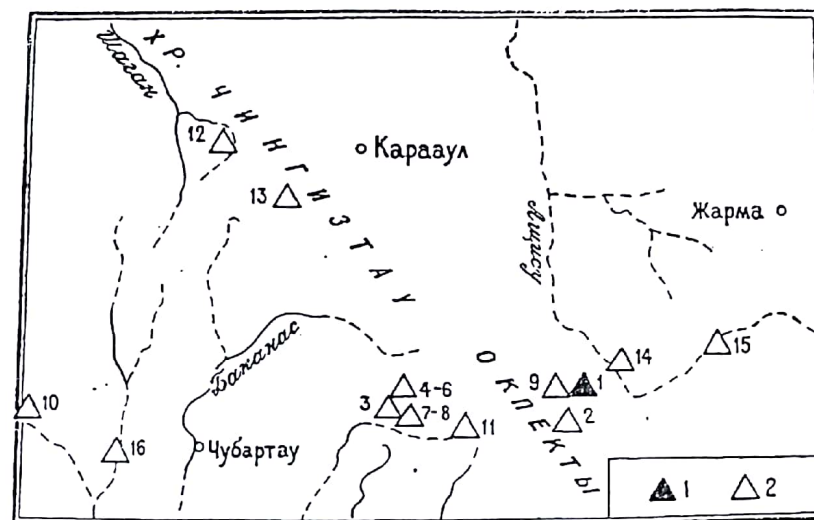

Рис. 12. Схематическая карта палеолитических и неолитических стоянок хр. Чингиз и его обрамления

Стоянки открытого (наземного) типа палеолита (1) и неолита (2). 1—16 — номера полевой документации

ма» и необычным вниманием к преобразованию сколов-заготовок путем очень разнообразной ретуши, подтески, искусственных обломов и т. д., что аномально даже для чистых стоянок без ядрищ.

К востоку от хр. Чингиз палеолит изучен не так тщательно, но то, что известно по предварительным публикациям С. С. Черникова и его сотрудников (Черников, 1951; Гохман, 1957; Верещагин, 1958), свидетельствует (в свете палеолита хр. Чингиз и других ареалов Казахстана) о наличии культур мустьерской группировки и позднего палеолита типа саяк. Раскопанные здесь стоянки с обработанными кремнями и костными остатками охотничьих трофеев (Кожамкулова, 1969) придают, однако, этим материалам больший вес, чем это пока заслуживает их собственно археологический аспект.

Хр. Каратау (Южный Казахстан) — один из наиболее

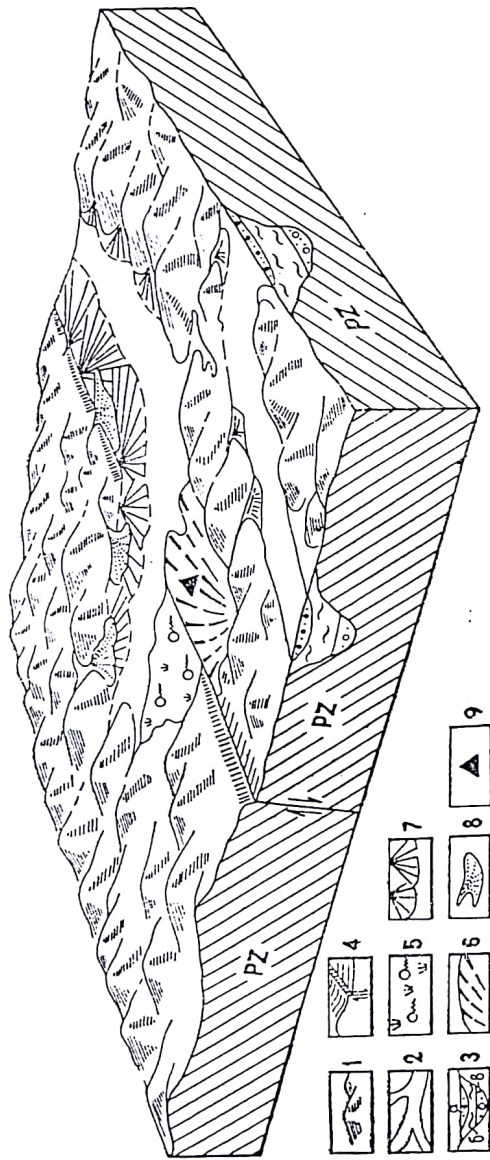

Рис. 13. Блок-диаграмма юго-восточной части гор Окпекты (по Г. М. Козловскому) с мустьерской стоянкой, хр. Чингиз (см. рис. 12, местонахождение 1)

1 — мелкосопочник на складчатом палеозое, PZ; 2 — суходолы; 3 — древние погребенные долины: а — пески и галечники антропогена; б — красные глины павлодарской свиты, $N_1^2 - N_2^2$ рв; в — гравийные пески верхнего олигоцена, P_{g3}; 4 — тектонический разлом: сместитель и сопряженный уступ; 5 — родники и участок луговых трав; 6 — древний конус выноса; 7 — шлейфы конусов выноса средне-позднечетвертичные, Q₂₋₃; 8 — современные шлейфы конусов выноса; 9 — палеолитическая стоянка открытого (наземного) типа с каменным материалом *in situ*, относящимся к мустье ашельской традиции фацис леваллуа (обогатенным формами типа кина и полуккина)

Рис. 14. Схема расположения палеолитических местонахождений в верховьях р. Арыстанды, хр. Малый Каратау, Южный Казахстан

1 — стоянка и мастерская эпохи палеолита открытого (наземного) типа; 2 — ископаемая многослойная стоянка позднеарыстандинской культуры (стоянка им. Ч. Валиханова); 3 — ископаемые единичные образцы древней арыстандинской культуры из конгломератов позднего плейсцена

луа, а так называемые галечные орудия составляют лишь единичные типологически бесспорные образцы. Это видно даже без анализа самих комплексов по рисункам образцов в

многочисленных публикациях, где сугубо ординарные заготовки нуклеусов леваллуа выдаются за примитивный (шелльский) тип «ручных рубил» или «грубых рубящих орудий»

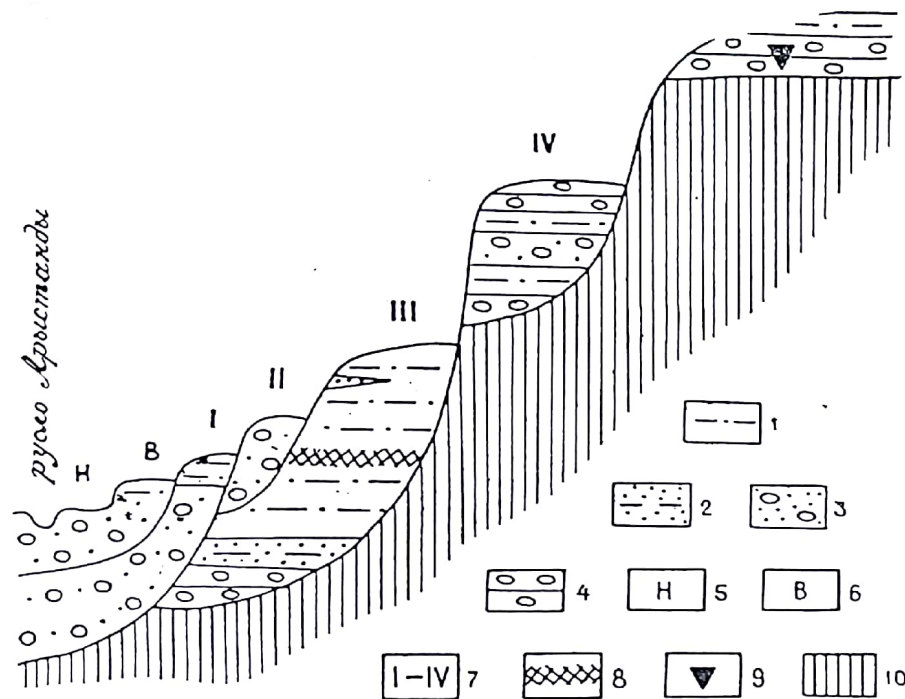

Рис. 15. Сводная схема террас р. Арыстанды на участке расположения многослойной палеолитической стоянки, горы Каратау, Южный Казахстан (по А. В. Вислогузовой)

1 — суглинки; 2 — пылеватые пески; 3 — пески, гравий, галечники; 4 — конгломераты; номенклатура и возраст террас: 5 — низкая пойма, Q_4 ; 6 — высокая пойма, Q_4 ; 7 — надпойменные террасы: первая, Q_4 ; вторая, Q_3 ; третья, Q_2^2 ; четвертая, Q_2^1 ; 8 — культурные слои стоянки им. Ч. Валиханова; 9 — ископаемые единичные образцы камешной индустрии древней арыстандинской культуры из конгломератов верхнего плиоцена, N_2^3 , перекрытых суглинками, Q_1 ; 10 — коренные породы складчатого палеозоя и юры

(Алпысбаев, 1979). В. П. Любин (1970), сказав осторожно о «смутных протолеваллуаских элементах» в древнем палеолите хр. Каратау, безусловно, был близок к истине.

Среди палеолитических коллекций ИГН из Каратау имеется архаичный бифас ($19,5 \times 14 \times 10$ см) и несколько столь же архаичных леваллуаских образцов с местонахождения Борыказган (Вислогузова, 1973), которые имеют абсолютно идентичные патину и фактуру¹⁰. Нет никаких сомнений в принадлежности этих вещей одному комплексу леваллуа-ашельской культуры в ее очень раннем варианте (на стадии среднего или, возможно, древнего ашеля).

Коллекция палеолитических вещей из конгломератов составлена из сборов на двух местонахождениях¹¹ (рис. 14). Первая ассоциация состоит из трех экземпляров, вторая — из девяти. В их числе два орудия типа чоппинг-тул, массивный резец олдувайского типа и инструмент с выступом, образованным двумя выемками (анкошами) и т. д. В целом эта индустрия предстает гомогенной и оригинальной. Ее невозможно отнести к какой-нибудь культуре древнего палеолита Азии, Африки, Европы и можно смело считать новой культурой, дав соответствующее для нее название по местному казахскому топониму. Поскольку местонахождения конгломератов с орудиями этой замечательной культуры связаны географически с долиной р. Арыстанды, то наиболее удачным представляется введение термина «арыстанды».

В эволюции палеолита хр. Каратау прослеживаются две магистральные линии — арыстанды, т. е. индустрия верхнеплиоценовых конгломератов, и леваллуа-ашель (мастерская Борыказган и т. д.). Сырье индустрии конгломератов долины р. Арыстанды — халцедоны светлых оттенков, а открытых мастерских Борыказгана — черного цвета (карбон). Характерно, что обе традиции базировались на этом же сырье и в своих последующих трансформациях (вплоть до позднего палеолита включительно), прослеживаемых на комплексах, раскопанных в долине р. Арыстанды (рис. 15) и на открытых местонахождениях позднего палеолита, распространенных широко на территории Малого и Большого Каратау (Вислогузова, 1961).

¹⁰ Сборы А. В. Вислогузовой (1961 г.).

¹¹ Сборы А. В. Вислогузовой (1961 г.), Б. Ж. Аубекерова (1979 г.).

ГЕОХРОНОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА

В основу построения взят археологический материал. Его анализ проведен с учетом геологических условий залегания, геоморфологических позиций, новейших тектонических движений и палеогеографического контекста.

Таблица 1. Опыт сопоставления основных этапов

Время, тыс. лет	Африка (по Г. П. Григорьеву)	Европа	Казахстан
			Мангышлак
10			Шахбагата II (эпипалеолит)
30—35	Мустье — постмустье	Поздний палеолит	Шахбагата I (поздний палеолит)
80—100		Мустье	
Около 1000	Ашель	Ашель	Леваллуа — ашель II Леваллуа — ашель I
Более 2000	Олдувай		Протолеваллуа — ашель

Эволюция каменных индустрий имеет объективные закономерности в своих формах, временных объемах и темпах, хотя она далеко не везде и всегда следовала шаблону. Успехи изучения палеолита Африки, особенно самых ранних этапов (олдувай, ашель), безусловно, способствовали установлению геологического возраста палеолита прежде всего Мангышлака и Южного Казахстана, а уже на их базе было возможно подойти к этим вопросам в других ареалах Казахстана (табл. 1).

Поздний плиоцен. Культура арыстанды связана с конгломератами древнего шлейфа предгорной зоны хр. Малый Каратау (Вислогужева, 1961), которые сопоставляются с отложениями сохской свиты (Черняховский, 1962) и конгломератами илийской свиты. Орудия этой культуры совершенно произвольно были отнесены к «шелльско-ашельскому» типу и поэтому данные конгломераты были механически «подняты» в древний антропоген (Алпысбаев, Костенко, 1974), что су-

щественным образом искажает положение на геохронологической шкале стоянок и других местонахождений палеолита Южного Казахстана. Поскольку орудия культуры арыстанды были сделаны до или во время образования конгломератов, то их следует датировать более ранней эпохой — поздним плиоценом.

палеолитических культур Африки, Европы и Казахстана

Казахстан		
Сары-Арка	Левобережное Прииртышье	Южный Казахстан
	Кудайколь III (финальная фаза позднего палеолита)	
Саяк (поздний палеолит)	Кудайколь I, II (поздний палеолит)	
Мустье		
Ашель	Леваллуа — ашель II Леваллуа — ашель I	Арыстанды II (поздний палеолит) Леваллуа — ашель I ?
		Арыстанды I (индустрия в конгломератах)

Культура протолеваллуа—ашель, установленная на Мангышлаке, также относится к позднему плиоцену. Ископаемые гоминиды — носители этой древнейшей культуры Мангышлака — обитали на стоянках амфитеатра зал. Сарыташ на берегу апшеронского моря и на морской абразионной террасе акчагыльского возраста. Их орудия остались под рыхлыми отложениями, которые прикрывают чехлом незначительной мощности поверхность этой террасы, затем на дне древнего лога, врезанного в эту же террасу, и в толще фрагмента четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай (см. рис. 3), сложенной гравием, галечником с валунами и песчаным заполнителем.

Их современником был, очевидно, овернский мастодонт — обитатель кустарниковых зарослей в долине Ханга-Баба (Борисяк, Беляева, 1948). Во всяком случае это единственное свидетельство пребывания представителя териофауны плиоцена (и плейстоцена) на Мангышлаке сообщает дополнитель-

ную уверенность, что первый человек на этой земле не был одинок.

Культуры арыстанды и протолеваллуа—ашель являются самыми древними следами человека на территории СССР и Азии. Их столь ранний возраст имеет обоснование и в разительных аналогах в древнем палеолите Африки (олдувайская культура). Возможно, в амфитеатре зал. Сарыташ найдена, наконец, веха движения древнейших гоминид с африканского материка в Азию. Автохтонность культур Арыстанды и протолеваллуа—ашель за отсутствием аргументов на данном этапе исследований не может быть доказана.

Морская абразионная терраса амфитеатра зал. Сарыташ значительно древнее раннехвалынской трансгрессии. Архаичные бифасы ашельских классических типов залегают на поверхности берегового вала, находящегося на этой террасе. В обнажениях рыхлого чехла (суглинки), перекрывающего площадку террасы, вырезанную в известняках верхнего мела, залегают непереотложенные образцы культуры протолеваллуа—ашель. В частности, на участке лога с колодцем Шахбагата (см. рис. 3), т. е. на участке «раннехвалынской» террасы, обнаружены на глубине около 0,3 м два крупных трехгранника. Один из них сделан путем оригинального варианта техники комбева. Суть его в том, что две вентральные грани имеют общее ребро.

Местами рыхлый чехол смыт с поверхности «раннехвалынской» террасы, но на значительных площадях, где он сохранился, образцы леваллуа—ашеля I и II и шахбагаты I (поздний палеолит) перекрывают его и не имеют признаков переотложения. На некоторых участках нуклеусы и сколы остались в таких же ассоциациях, что и в момент работы над их производством.

Сталинградская стоянка лежит под ательскими суглинками (Замятнин, 1961), а ее индустрия соответствует леваллуа—ашелю II. Это еще один аргумент в пользу того, что терраса выработана морем не в раннехвалынскую трансгрессию, и даже не в бакинскую, а в позднем плиоцене.

Ашель очень длительная эпоха (табл. 1). Леваллуа—ашель I соответствует развитому (среднему) ашелю Африки и Европы. Если верхняя морская терраса Сарыташа сформировалась в результате работы моря к первой половине позднего антропогена, то на ней должны были пройти свой эволюционный

путь все этапы палеолита Мангышлака, что абсолютно невероятно, даже если предположить их сдвиг в голоцен, поскольку сверху на геохронологической шкале лежат эпипалеолит и неолит (две традиции, из которых одна с элементами капсия и гелуана, а вторая, очевидно, автохтон).

Кроме того, даже предположив невероятное, что все эти культуры были современниками, а их носители (коллективы) жили одновременно на раннехвалынской террасе, исследователь должен решить вопрос о соотношениях условий залегания индустрии протолеваллуа—ашель. Ее образцы занимают три разные геоморфологические позиции: 1) на дне лога с кол. Шахбагата, 2) под рыхлым чехлом на глубине до 0,3 м на верхней абразионной террасе, 3) в толще фрагмента четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай (см. рис. 3).

Так не бывает и не может быть нигде и никогда! Просмотр аэрофотоснимков восточной части побережья зал. Сарыташ обнаружил ряд тектонических нарушений, которые значительно деформировали первоначальную картину залегания здесь осадочных пород фундамента п-ова Тюбкараган¹². Анализ аэрофотоснимков западной части этого полуострова уже показал значительные деформации морских террас (Можаяев, 1958).

Здесь может быть лишь одно объяснение: к раннехвалынской трансгрессии верхняя терраса амфитеатра зал. Сарыташ была полностью сформирована и на ней уже лежали береговые валы с ашельскими бифасами, но она находилась на более высоком уровне (чем в настоящее время) и не заливалась раннехвалынским морем. Опускание этого участка произошло позже, скорее всего, судя по археологическому материалу, в начале позднехвалынской трансгрессии. Раннехвалынское море ингрессировало лишь в долины амфитеатра зал. Сарыташ. Поэтому даже образцы культуры протолеваллуа—ашель лежат в логу с колодцами Шахбагата неокатаными.

В западной части п-ова Тюбкараган гипсометрически выше бакинских отложений встречены «еще какие-то морские отложения и следы стояния уровня моря в виде клифов, абразионных уступов и площадок террас» (Можаяев, 1958, с. 92).

В свете значительной деформации плиоценовых и антропогеновых террас Тюбкарагана и его береговой линии положе-

¹² Устное сообщение Г. М. Потаповой.

ние П. В. Федорова о незыблемости террасовых уровней северного побережья Мангышлака и механическом датировании: их по гипсометрии следует признать ошибочным и исходить из анализа фактов во всей их совокупности.

Рельеф Мангышлака был в основном сформирован до бакинской трансгрессии. Верхняя терраса в амфитеатре зал. Сарыташ имеет добакинский возраст, что же касается ее рыхлого чехла, то он явно более поздний и должен рассматриваться в качестве субстратата леваллуа—ашеля I и II.

Трехгранники из обнажения у кол. Шахбагата соответствуют образцам в толще фрагмента четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай, а также индустрии из лога с кол. Шахбагата.

Долины Тюбкарагана заложены, согласно данным Н. И. Андрусова (1910), в конце позднего плейстоцена. Отсюда следует, что орудия четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай по времени являются синхронными этой террасе. Если же это остатки берегового вала, то и в таком варианте индустрия протолеваллуа—ашель должна быть очень ранней, т. е. более древней, чем бакинская трансгрессия. Этот «береговой вал» будет связан тогда с очень ранним и высоким стоянием моря—акчагыл—апшерон, а происхождение индустрии, которая заключена в нем, должно синхронизироваться с олдувайской культурой.

К началу раннехвалынской трансгрессии террасы бакинского моря были деформированы настолько, что на широте Форта-Шевченко оказались выше максимальной для четвертичного периода трансгрессии на 15 м и более, в то время как у южного берега хвалынское море перекрывало их (Можаев, 1958).

Между понтом и баку Тюбкараган затоплялся частично каким-то морем, оставившим абразионные уступы и ниши, а также алевритовые отложения на высоте 100—110 м над уровнем Каспия, что допускал и П. В. Федоров. Очевидно, это акчагыльская трансгрессия (Можаев, 1958).

Следовательно, клиф амфитеатра зал. Сарыташ к апшерону был готов, и люди культуры протолеваллуа—ашель жили в апшероне и оставили на абразионной площадке свои орудия (трехгранники). Эта площадка с орудиями оставалась не затопленной и в баку—на морских валах лежат бифасы ашельского типа, а эти валы сооружены на «раннехвалынской» террасе по П. В. Федорову (1957).

У Сарыташа с удалением от свода Каратауской мегантиклинали береговая линия меньше поднята, и если не учитывать неотектонический его режим, то неизбежен ошибочный вывод о якобы раннехвалынском возрасте этой террасы.

Сопоставив древние береговые формы и их пространственное расположение с морфологией и местонахождением современных форм, можно убедиться, что современные береговые формы в большой мере являются унаследованными от более древних этапов развития побережья Каспия.

На всех берегах поздних плейстоценовых и плейстоценовых морей, за исключением восточного, от Бузачи до Краснодарского побережья включительно, главенствующую роль в развитии береговой зоны играл аккумулятивный фактор. Восточное и северное побережье Тюбкарагана характеризовалось абразионным режимом (Федоров, 1957).

Бакинской трансгрессии предшествовал длительный континентальный этап развития, соответствующий времени отложения тюркянских слоев. С этой эпохой, очевидно, связан овернский мастодонт из Ханга-Баба (Борисяк, Беляева, 1948).

К началу четвертичного периода были выработаны все основные черты рельефа Мангышлака (Федоров, 1957).

Мнение Н. И. Андрусова, что большинство долин Тюбкарагана сформировалось еще в плейстоцене, полностью подтверждается на палеолитическом материале.

Древний (?) и средний плейстоцен. Леваллуаская техника раскалывания относится в Европе к вюрму. В Казахстане нет ашеля без леваллуаской системы производства сколов-заготовок, где она появляется с очень ранней поры древнего палеолита (древний антропоген—гипотетично, а средний—безусловно) и является автохтоном. Леваллуа—ашель отличается в Казахстане тотальным господством. Техника комбева на Мангышлаке—случай пока уникальный. В собственно ашельских индустриях (эталон в горах Семизбугу Северного Прибалхашья) с леваллуа сосуществует клетонская техника, которая полностью сохраняет свою роль и в саяке. Соотношение между археологическими культурами и эпохами далеко не адекватно хронологии. Леваллуа—ашель переходит в культуры позднего палеолита (шахбагата I и т. д.), минуя мустьерский этап развития. Саякская культура является результатом эволюции мустье ашельской традиции фашии ле-

валлуа, но в Сары-Арка, очевидно, были мустьерские культуры бесперспективной судьбы. Этот факт учтен в периодизации для контроля при локализации оригинальных культур позднепалеолитической формации (см. табл. 1).

В принципе в Казахстане выделяются те же ступени палеолита, что и в Африке, и в Европе, но с коррекцией на специфичный, собственный путь развития (см. табл. 1), причем значительно опережавший прогресс в Западной Европе.

В Северном Прибалхашье комплексы ашель и мустье ашельской традиции, а в долине Шидерты комплекс леваллуа—ашель II залегают на вторых надпойменных террасах, относящихся к среднему антропогену, что геохронологически соответствует денудационному уровню стоянок-мастерских Южного Казахстана. Раннемезоплейстоценовый возраст стоянки-мастерской у оз. Кудайколь, представленной леваллуа-ашельской культурой раннего этапа, тем более вероятен, что она, занимая позицию на четвертой озерной террасе, перекрыта толщей делювия, который покрывает и склон ее останца. На этом делювиальном чехле склона залегают материал более поздней стоянки леваллуа—ашель II, расположенной на уровне третьей озерной террасы. На фоне этих данных приуроченность леваллуаской пластины к среднеплейстоценовым отложениям Сибири не вызывает сомнения.

Гипотеза Г. П. Григорьева, утверждающего уникальность «верхнего палеолита», не выдерживает критики в аспекте позднепалеолитических культур Мангышлака и Сары-Арка, Левобережного Прииртышья и хр. Каратау (Южный Казахстан), которые содержат среди своих технико-типологических слагаемых все основные элементы, являющиеся критерием индустрий ориньякоидного типа. Ассоциации этих элементов с архаичными слагаемыми служат здесь показателем более раннего их возраста в рамках культур «верхнего палеолита». В этом плане показательно почти полное отсутствие «родимых пятен» субстрата именно в культуре кудайколь II, относящейся к самому концу плейстоцена (Медоев, 1979).

Понятие «мустьерский комплекс» вместо единой мустьерской культуры вполне применимо к древнему палеолиту Казахстана, что же касается последующих культур, то они вполне сопоставимы с «верхним палеолитом» Европы, за вычетом индекса субстрата и индекса эндемичности (Медоев, 1976).

В Африке второй после появления рубил признак нового этапа (за олдуваем) — колуны и кливеры (кстати, эти термины далеко не синонимы).

Ашель — самая африканская эпоха, однако можно утверждать на многочисленных фактах, что для Казахстана это также бесспорно.

Ашель африканского типа распространился на территории Европы и долго сохранял свой облик.

В Казахстане эта формация осложнена очень ранним появлением техники протолеваллуа и резким размежеванием ашеля по двум индустриальным стволам: с рубилами и клетонской техникой, но без колунов и кливеров на южном скате Сары-Арка и леваллуа—ашель с рубилами, колунами, кливерами и техникой комбева на Мангышлаке.

Древний палеолит Мангышлака имеет ряд чрезвычайно ярких сходений с древним палеолитом Африки. При сложившейся на сегодняшний день ситуации с решением проблемы первоначального заселения Евразии этого более чем достаточно для однозначного вывода относительно происхождения культуры протолеваллуа—ашель и палеолита Казахстана в целом от олдувайского субстрата.

Поздний плейстоцен. Нижняя граница культур не имеет твердой опоры. Позднепалеолитический характер многослойной стоянки в долине р. Арыстанды (хр. Малый Каратау), приуроченной к третьей надпойменной террасе с хазарской фауной (заключение Б. С. Кожамкуловой), позволяет отнести начало позднего палеолита Южного Казахстана ко второй половине среднего антропогена. Столь невероятно ранняя дата согласуется с идеями В. И. Громова (1961) и F. Vogdes (1953), которые считают, что за Волгой, где-то в глубинной Азии, должны быть следы очень ранней поры (рисс-вюрм, рисс) «ориньякского человека».

Мангышлакская индустрия — образцы древнего и позднего палеолита — лежат на поверхности «раннехвалынской» морской террасы в непереотложенном состоянии, изредка слегка затянутые рыхлыми отложениями. Если геоморфологическая позиция этих культур действительно сформировалась бы лишь в раннехвалынское время, то леваллуа—ашель II (мустье) и шахбагата I должны укладываться в одно позднехвалынское время, поскольку шахбагата II (эпипалеолит) относится здесь, как и в левобережном Прииртышье, к ранней поре го-

лоцена. В этом нет ничего аномального, но полностью исключено, что леваллуа—ашель I Мангышлака (ашель) будет иметь столь же поздний возраст (виорм). Можно с уверенностью

Таблица 2. Геохронологическая

Эпоха (отдел)	Век (ярус)	Местное подразделение—Каспийская область (слои)
Современная (голоцен)	Послеледниковый	Новокаспийские
Новочетвертичная (неоплейстоцен)	Новоледниковый 2 (валдай)	Хвалынские
	Новолежледниковый 2	
	Новоледниковый 1 (московский)	
	Новолежледниковый 1	
Среднечетвертичная (мезоплейстоцен)	Среднеледниковый (днепровский)	Хазарские
	Среднемежледниковый	
Древнечетвертичная (эоплейстоцен)		Бакинские
	Апшеронский Акчагыльский	

* Геологический аспект по С. А. Яковлеву.

сказать, что определение возраста морских абразионных террас по абсолютным отметкам игнорирует динамику морских берегов и искажает историю геологического развития Каспия в позднем плиоцене и плейстоцене (табл. 2).

Позднепалеолитические индустрии Сары-Арка и Мангышлака явно восходят к своим прямым предшественникам, их генетическая связь не подлежит сомнению. Техника леваллуа (особенно в леваллуа—ашеле) здесь исключительно вариабельна и, трансформируясь в технику ножевидной пластины, сохраняет свое значение и продолжает оставаться органичной составляющей производства сколов-заготовок. Типологиче-

ский ряд позднепалеолитических индустрий связан с субстратом различными бифасными формами, а также орудиями типа чоппер и чоппинг-тул. Эти орудия, безусловно, подверг-

схема каменного века Мангышлака*

Эволюция каменных индустрий	Примечания
Культура микролитов (неолит) Шахбагата II (эпипалеолит)	Две фации: автохтонная и ближневосточно-североафриканская Финал позднепалеолитической культуры
Шахбагата I (поздний палеолит)	
Леваллуа — ашель I—II	Геохронологическая граница древнего и позднего палеолита не фиксируется Индустрии леваллуа — ашель II соответствует материал Сталинградской стоянки
?	
Протолеваллуа — ашель	Содержит образцы бивентральной техники (комбева) и аналоги олдувайских орудий, частично соответствует древнему ашелю Африки

лись трансформации, но наряду с ними остались и формы, унаследованные от древних традиций (чоппер, чоппинг-тул, рубило и т. д.). Это соответствует техническому аспекту данных культур. Техника леваллуа эволюционировала и в то же время является унаследованной в чистом виде. Это эмпирическое обобщение сделано с учетом безусловного наличия вещей, оставшихся незавершенными и оставленных на той или иной стадии на пути к сделанности вещи. Именно принцип сделанности позволяет выделить в громадных массах каменного материала

стоянок-мастерских и мастерских технические и типологические эталоны для геохронологических построений.

Верхняя геохронологическая граница позднего палеолита в Казахстане соответствует концу плейстоцена (Медоев, 1979). Ее обоснование связано с палеоклиматическим анализом (Медоев, 1970). Характерно, что более прогрессивные культуры (саяк) исчезают раньше, а те, что имеют больший удельный вес субстрата, переходят, возможно, границу между плейстоценом и голоценом (бассейн Эмбы, Аральское море; сборы Б. Ж. Аубекерова).

Стадиальное определение еще не означает плейстоценовый возраст. В Азии поздний палеолит может быть и голоценовым. Голоценовый палеолит и эпипалеолит — явления разного порядка, под первым следует понимать молодой поздний палеолит или застойный, который перешел в голоцен, а под вторым — трансформацию, которая говорит о том, что к концу плейстоцена некоторые позднепалеолитические индустрии стали эволюционировать и в них появились элементы прогрессивные, если считать, что уменьшение размеров орудий — это есть прогресс!

Поздний палеолит в Казахстане стадиально един, если считать признаком позднего палеолита наличие призматической техники, но наряду с этим казахстанским поздним палеолитом есть типа леваллуа—ашель поздней стадии — эталон саяк, т. е. в Казахстане были выработаны критерии далеко не тривиальные. Если учитывать несовершенство раскопок, то материал на поверхности дает большую уверенность в расчленении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Казахстане открыты многочисленные стоянки и местонахождения других типов эпохи палеолита. Изучение археологических материалов показало, что первые следы ископаемого человека восходят к позднему плиоцену на п-ове Мангышлак (акчагыл—апшерон) и в пределах хр. Каратау (Южный Казахстан), где орудия оригинальной местной культуры заключены в толщу конгломератов, синхронных сохской свите. Эти самые древние следы ископаемых гоминид открывают совершенно новые пути поисков еще более древних ка-

менных индустрий на южных территориях СССР и раздвигают ареал становления человека от Восточной Африки до глубинной Азии.

Облик и содержание позднеплиоценовых индустрий Мангышлака и Южного Казахстана, имея ряд разительных сходений с олдувайской культурой Восточной Африки, вместе с тем свидетельствуют о локальных чертах этих индустрий, позволяющих выдвинуть гипотезу об автохтонном пути становления человека при его выделении из животного царства на территории Азии около двух миллионов лет назад.

Вместе со значительным углублением даты первоначального заселения Казахстана эти открытия расширяют научные представления о древнейшем прошлом нашей Родины, поскольку протолеваллуа-ашельская культура Мангышлака и индустрия конгломератов (арыстанды) Южного Казахстана являются наиболее древними следами человеческой деятельности на территории СССР.

Исследование последующих путей и форм эволюции палеолитических культур Казахстана показало, что на базе упомянутых индустрий возникли две самостоятельные линии развития, которые в конечном итоге привели к появлению человека современного типа. С первой — протолеваллуа—ашель (поздний плиоцен) связана леваллуа-ашельская традиция, приведшая к появлению культуры позднепалеолитического типа, которая получила на Мангышлаке название шахбагата. Вторая линия (в ее основе лежит индустрия верхнеплиоценовых конгломератов хр. Каратау) путем сложных трансформаций пришла к оригинальной позднепалеолитической культуре, установленной при раскопках многослойной стоянки в лессовой толще третьей надпойменной террасы долины р. Арыстанды. По мнению автора, это наиболее ранняя культура позднего палеолита в пределах ойкумены, что согласуется с гениальным предвидением В. И. Громова, считавшего, что человек современного типа появился в глубинной Азии самостоятельно и значительно раньше, чем в Западной Европе.

В Сары-Арка (Центральный Казахстан) установлена автономная и очень длительная традиция, составляющая «триаду»: ашель — мустье ашельской традиции фацни леваллуа — саяк (поздний палеолит). Своеобразный путь эволюции прослежен в Левобережном Прииртышье, где с некоторыми лакунами (в фактическом материале) существовала леваллуа-ашель-

ская традиция. Стоянка у оз. Кудайколь с индустрией леваллуа—ашель I на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника выдвигает этот ареал культуры бифасиальных накопителей копий на роль стартовой площадки первичного заселения человеком Северо-Восточной Азии и в конечном итоге Нового Света. Финальной фазой леваллуа-ашельской традиции в Левобережном Прииртышье представляется позднепалеолитическая культура кудайколь I, относящаяся к самому концу плейстоцена.

Установлена принципиальная возможность выделения в палеолите Казахстана элементарных технико-типологических ассоциаций, культур и их фаций, составляющих крупные группировки геохронологического порядка, приуроченные к определенным ареалам, которые характеризуются единством истории геологического развития в позднем плиоцене и антропогене.

Лестница культур с их четкой последовательностью и приуроченностью к определенным формам рельефа и отложениям позволяет констатировать строгую закономерность распределения их во времени и в пространстве, а отсюда — безусловную стратиграфическую значимость для верхнего плиоцена, нижнего, среднего, верхнего плейстоцена и голоцена.

Руководящие комплексы каменных индустрий могут служить важным источником для корреляции морских и континентальных фаций верхнего плиоцена и плейстоцена, а также индикатором новейших движений (особенно для древних береговых линий Каспия).

Дальнейшие исследования должны разворачиваться в плане установления более подробных геохронологических подразделений культур и разработки графика скольжения, т. е. асинхронности синстадиальных комплексов в различных ареалах Казахстана. Необходимо продолжать и работу над увязкой геохронологической шкалы палеолита Казахстана с глобальной схемой периодизации палеолита.

Новые сведения позволяют, наконец, поставить вопрос о реализации данных по палеолитическим культурам для установления нижней границы антропогена и расширения его объема.

ЛИТЕРАТУРА

- ✓ Алиман А. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1960.
- Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
- ✓ Алпысбаев Х. А., Костенко Н. Н. Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок Южного Казахстана. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974.
- Андрусов Н. И. Отчет о геологической поездке на Мангышлак летом 1907 г. — Тр. Импер. с.-петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. геол. и минер., 1910, т. 35, вып. 5.
- Аубекеров Б. Ж., Чалыхьян Э. В. Кайнозой зоны канала Иртыш—Караганда. Алма-Ата: Наука, 1974.
- Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л.: Наука, 1979.
- Борисяк А. А., Беляева Е. И. Местонахождения третичных наземных млекопитающих на территории СССР. — Тр. Палеонтологического института, 1948, т. 15, вып. 3.
- Верещагин Н. П., Мельникова Н. Н. Зоогеографические открытия археологов в Восточном Казахстане и Алтайском крае. — Изв. ВГО, 1958, т. 90, вып. 4.
- Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975.
- Вислогузова А. В. Бассейн р. Арыстанды. — В кн.: Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961.
- Вислогузова А. В. Геоморфология и геологический возраст древнего палеолита хребта Каратау. — Изв. АН КазССР. Сер. геол., 1973, № 4.
- ✓ Вислогузова А. В. К вопросу о геологическом возрасте древнего палеолита хребта Каратау (Южный Казахстан). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973.
- Геология СССР. Т. XL, Южный Казахстан, кн. I. М.: Недра, 1971, с. 499, 502, 503.
- Гохман М. И. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме. — КСИИМК, 1957, вып. 67.
- Григорьев Г. П. Палеолит Африки. — В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л.: Наука, 1977.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. М., 1948, вып. 64.
- Громов В. И. Принципы построения схемы периодизации палеолита. — ТКИЧП, т. 18, 1961.
- ✓ Джуркашев Т. Н. Антропогеновая история Балхаш-Алакольской впадины. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Замятин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка. — КСИИМК АН СССР, 1961, вып. 82.
- Кастани Ж. Четвертичная складчатость в районе Гафсы и Южного Туниса. — В кн.: Живая тектоника. М.: ИЛ, 1957.
- ✓ Кларк Дж. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
- Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая тернофауна Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.

Кудерина Л. Д. О возрасте долины Кызыл-Қайнар в Северном Прибалхашье. — Изв. АН КазССР. Сер. геол., 1967, № 3.

Лебедева Н. А. Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М.: Наука, 1978.

Любин В. П. Нижний палеолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.

Медоев А. Г. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз. — Вестник АН КазССР, 1962, № 3.

Медоев А. Г. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье). — Изв. АН КазССР. Сер. истор., археол. и этнографии, 1962, вып. 2(19).

Медоев А. Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.

Медоев А. Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.

Медоев А. Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.

Медоев А. Г. Вопросы периодизации и хронологии палеолита Сары-Арка. — Информационный сборник ИГН им. К. И. Сатпаева АН КазССР. Алма-Ата: Наука, 1976.

Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979.

Можаяв Б. Н. К истории развития полуострова Тюб-Қараган в кайнозойское время. — В кн.: Геология Закаспия. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958, вып. 1.

Николаев Н. И. Новейшая тектоника СССР. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1949, с. 106.

Обермайер Г. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.

Трифонов Н. К., Василенко В. П. Стратиграфия верхнемеловых отложений Мангышлака. — В кн.: Геологическое строение и нефтегазоносность отложений Мангышлака. Л.: Гостехиздат, 1963.

Федоров П. В. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря. — Тр. Геол. ин-та АН СССР, 1957, вып. 10.

Федорович Б. А. Древние реки в пустынях Турана. — В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М.: Изд. АН СССР, 1952, вып. 3.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.

Черников С. С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. — Вестник АН КазССР, 1951, № 12.

Черняховский А. Г. К вопросу о расчленении плейстоцен-четвертичных отложений хребта Каратау. — БКИЧП, 1962, № 27.

Яковлев С. А. Методическое руководство по изучению и геологической съемке четвертичных отложений. М.: Госгеолтехиздат, 1954.

Bordes F. Stratigraphie du loess et évolution des industries paleolithiques dans l'ouest du bassin de Paris. — L'anthropologie, 1953, t. 56, N 5—6.

СПИСОК НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ АЛАНА ГЕОРГИЕВИЧА МЕДОЕВА

1. О старинных русских названиях минералов. Сообщение I. — Вестник АН КазССР, 1960, № 5, с. 80—84.
2. О старинных русских названиях минералов. Сообщение II. — Тр. ИГН АН КазССР: Материалы по петрографии, геофизике и полезным ископаемым Казахстана, 1961, т. 4, с. 139—141.
3. Наскальные изображения гор Тесиктас и Карауигур — Тр. ИИАЭ АН КазССР: Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана, 1961, т. 12, с. 72—77.
4. Древние памятники изобразительного искусства в урочище Калмак-Жаткан-Карашат. — Вестник АН КазССР, 1961, № 2, с. 100—101.
5. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз. — Вестник АН КазССР, 1962, № 3, с. 86—88.
6. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье). — Изв. АН КазССР. Сер. истор., археол. и этнографии, 1962, вып. 2(19), с. 94—105.
7. Гравюры на камне в горах Тюлькун (Северо-Восточное Прибалхашье). — Вестник АН КазССР, 1963, № 7, с. 89—93.
8. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1964, вып. 6, с. 90—98.
9. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. — Вестник АН КазССР, 1965, № 5, с. 85—88.
10. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1965, вып. 4, с. 77—81.
11. Охотники и амазонки. — Советский Союз, 1966, № 7, с. 49.
12. Гравюра на камне у гор Имурунды. — Простор, 1966, № 12, с. 102—103.
13. Окно в загадочный мир. — Огни Алатау, 1967, № 90.
14. Знамена на скалах. — Вечерняя Алма-Ата, 1968, 3 января.
15. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968, с. 128—134.
16. Наскальные изображения у горы Айрактау на полуострове Мангышлак. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969, с. 146—152.

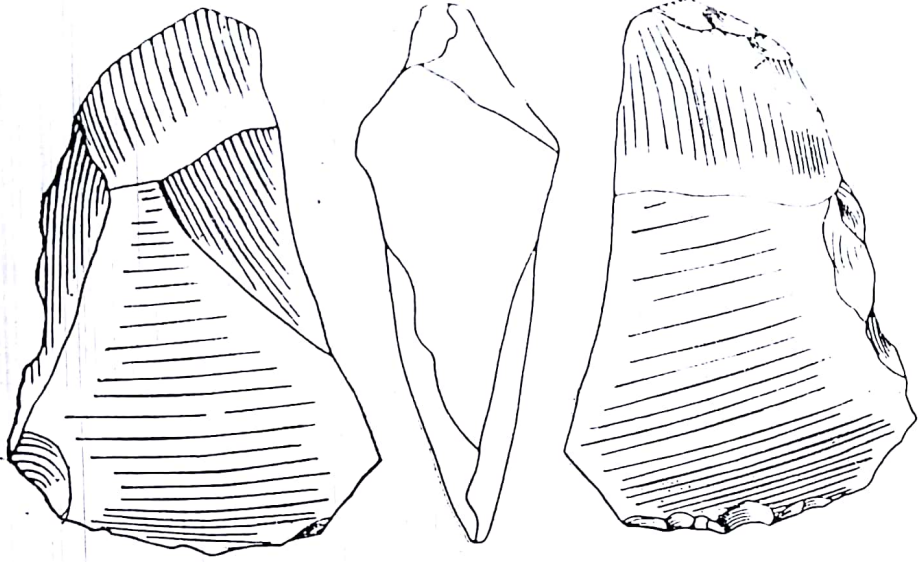
17. Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак. — Простор, 1969, № 6, с. 51—57.
- ✓ 18. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970, с. 200—216.
19. Древняя земля Мангышлака. — Ленинская смена, 1970, 19 августа.
20. В соавторстве с А. С. Саресковым, Д. П. Позднышевой и др. Каркаралинский низкогорно-мелкосопочный район. Северное Прибалхашье. Четвертичная система. — В кн.: Геология СССР. Т. XX, кн. 1. Центральный Казахстан. М.: Недра, 1972, с. 499—507.
- ✓ 21. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 139—153.
- ✓ 22. Вопросы периодизации и хронологии палеолита Сары-Арка. — В кн.: Информационный сборник ИГН АН КазССР. Алма-Ата: Наука, 1976, с. 49—51.
23. Петроглифы Казахстана. — Советский Казахстан сегодня, 1978, № 7/8, с. 23—25.
24. Сокровища Мангышлака. — Советский Казахстан сегодня, 1978, № 9/10, с. 21—23.
25. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979, ч. 1.
26. Фрески Мангышлака. — Советский Казахстан сегодня, 1979, № 3/4, с. 27—30.
- ✓ 27. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап). — В кн.: Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 161—162.
28. Ориентиры древности. — Декоративное искусство СССР, 1980, № 8, с. 36—39.
29. Сакральная архитектура Мангышлака. — В кн.: Искусство Казахстана-79. Алма-Ата: Онер, 1980, с. 76—80.
- 29а. Каменная скульптура Казахстана. — Советский Казахстан сегодня, 1981, № 7/8, с. 22—24.
30. Геохронология палеолита Казахстана. — Вестник АН КазССР, 1981, № 8, с. 58—59.
31. Айрықты тауындағы бабалар өнері. — Социалистік Қазақстан, 1967, 15 январь.
32. Маңқыстаудағы мекені. — Социалистік Қазақстан, 1967, 7 апрель.
33. Бейнелі өрнектер. — Қазақ әдебиеті, 1968, № 27, с. 4.
34. Жерасты ескерткіші. — Қазақ әдебиеті, 1969, № 16, с. 4.
35. Адайлар графикасы. — Қазақ әдебиеті, 1970, № 27, с. 4.
36. Өрнек сәні. — Жұлдыз, 1974, № 8, с. 184—185.
37. «Жалынның» көркем сурет галереясы. Қазақтың көне өнерлерінің нұсқалары. — Жалын, 1974, № 4.
38. Алыс жол адымнан басталады. — Қазақ әдебиеті, 1975, № 42, с. 4.
39. The Art of the Mangyshlak Nomads. — Lotus. Supplement Soviet Kazakhstan. 1973, p. 14—20.
40. Geschichte in der Sprache der Kunst. — Freundschaft, 1977, März, 10.

АТЛАС РУКОВОДЯЩИХ КОМПЛЕКСОВ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ

(Пояснительные тексты к фиг. 1—14)

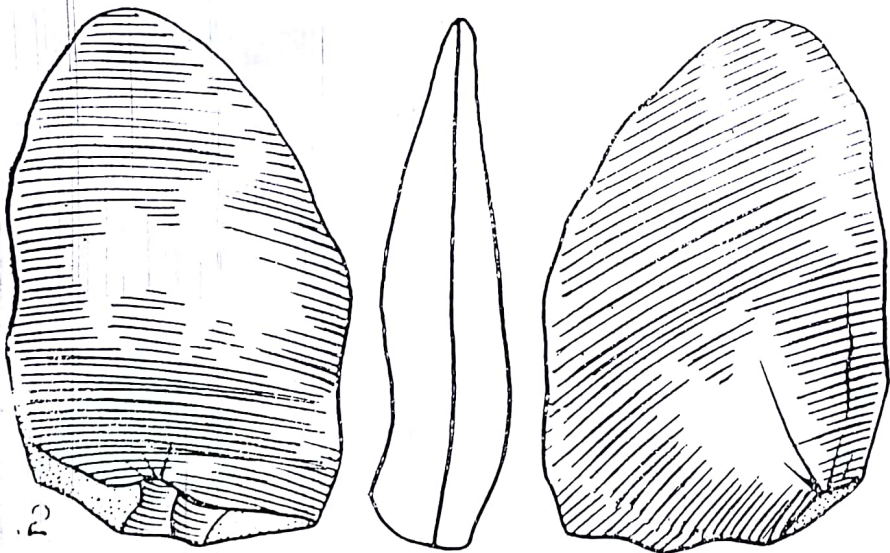
1. Колун. Протолеваллуа — ашель. Поздний плиоцен. Стоянки-мастерские; амфитеатр зал. Сарыташ, Мангышлак
2. Бивентральное орудие (техника комбева). Протолеваллуа — ашель. Поздний плиоцен. Стоянки-мастерские; амфитеатр зал. Сарыташ, Мангышлак
3. Чоппинг-тул. Ашель. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; горы Семизбугу, Северное Прибалхашье
4. Бифас треугольного типа. Финальный ашель. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; горы Семизбугу, Северное Прибалхашье
5. Бифас треугольного типа. Финальный ашель. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; горы Бале, Северо-Западное Прибалхашье
6. Бифас. Леваллуа — ашель I. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; амфитеатр зал. Сарыташ, Мангышлак
7. Лиманд. Леваллуа — ашель I. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; амфитеатр зал. Сарыташ, Мангышлак
8. Бифас треугольного типа. Леваллуа — ашель I. Средний плейстоцен (ранний). Стоянка у оз. Кудайколь, Левобережное Прииртышье
9. Бифас (1). Ашель. Средний плейстоцен. Стоянки-мастерские; горы Семизбугу, Северное Прибалхашье. Нуклеус леваллуа (2); остроконечник (3). Мустье ашельской традиции фауны леваллуа. Вторая половина среднего — первая половина позднего плейстоцена. Стоянки в бассейне р. Туранги, Северное Прибалхашье
10. Нуклеусы леваллуа (1—3). Мустье ашельской традиции фауны леваллуа. Вторая половина среднего — первая половина позднего плейстоцена. Бассейн р. Туранги, Северное Прибалхашье
11. Нуклеусы леваллуа (1—4). Мустье ашельской традиции фауны леваллуа. Вторая половина среднего — первая половина позднего плейстоцена. Бассейн р. Туранги, Северное Прибалхашье
12. Бифасы (1—2). Мустье ашельской традиции фауны леваллуа. Вторая половина среднего — первая половина позднего плейстоцена. Северный склон Сары-Арка
13. Орудия комплекса мустье зубчатого фауны леваллуа (1—7), ошпы (8, 9). Первая половина позднего плейстоцена. Стоянка у гор Тюлькүлі, Северо-Восточное Прибалхашье
14. Наконечник копыя. Шахбағата I. Поздний плейстоцен. Стоянки-мастерские; амфитеатр зал. Сарыташ, Мангышлак

1

0 5 cm

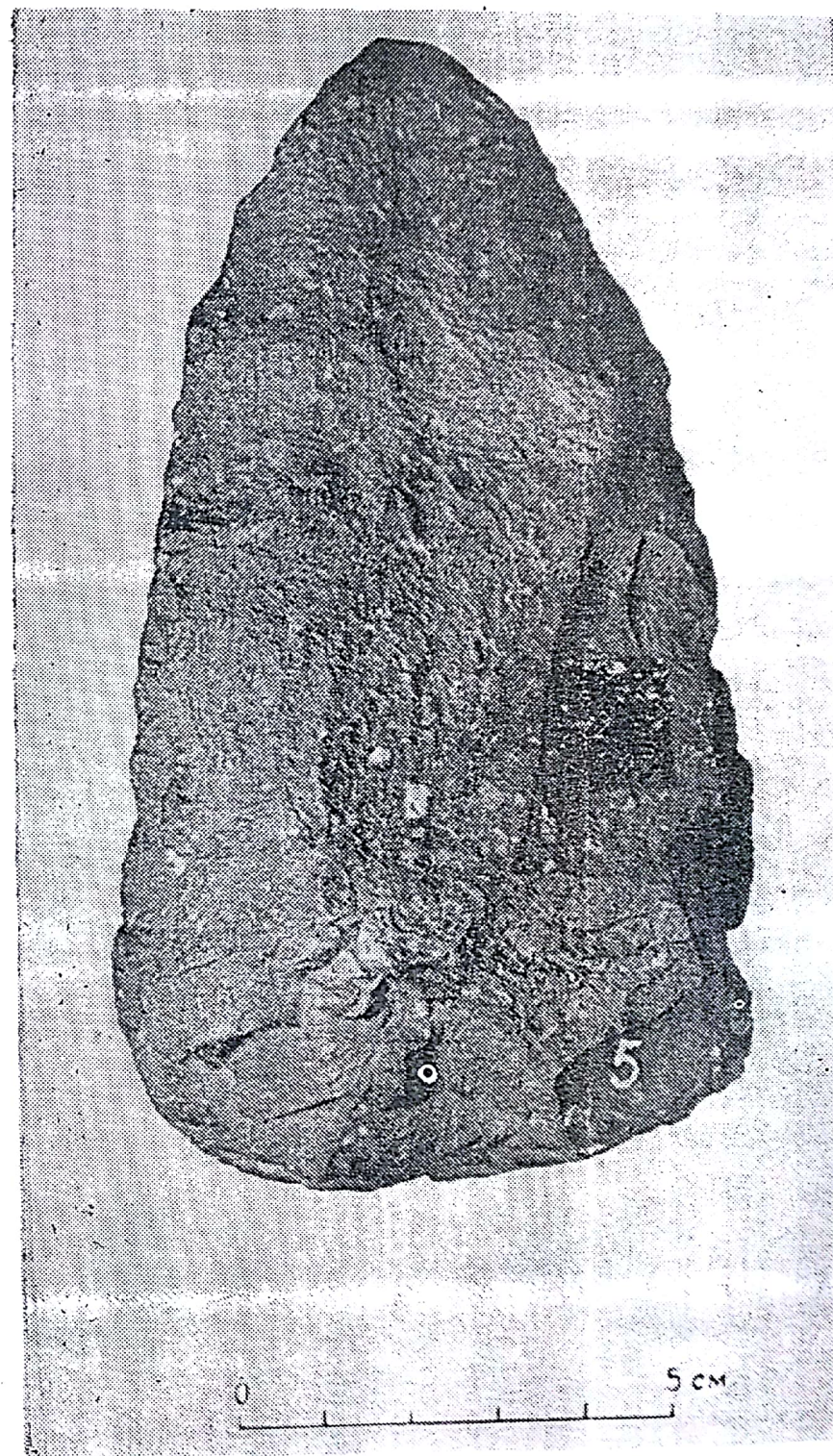
2

3

0 5 cm

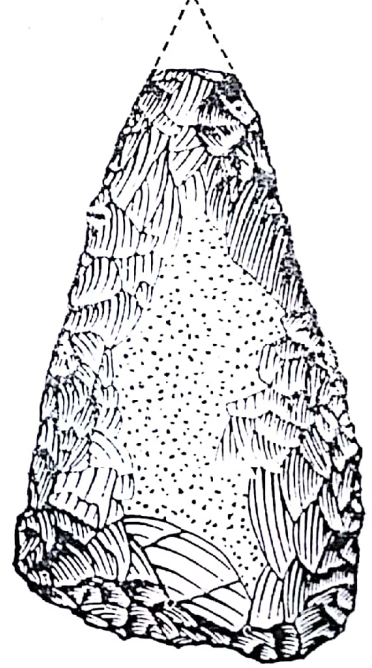
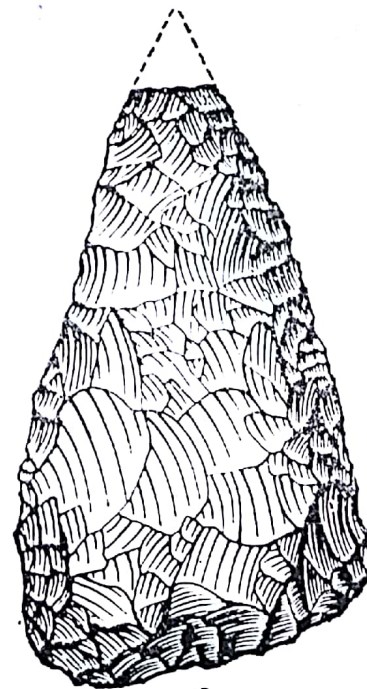

0 5 cm

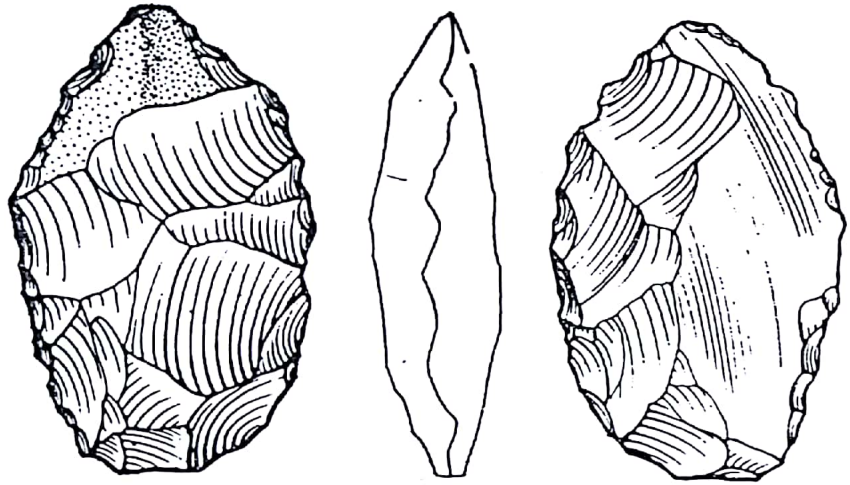
7

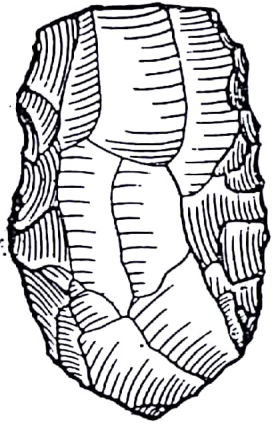
0 5 cm

8

1

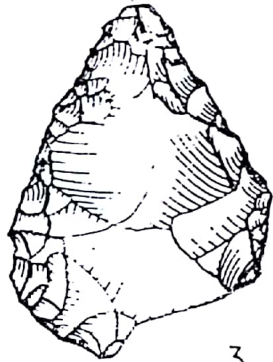

9

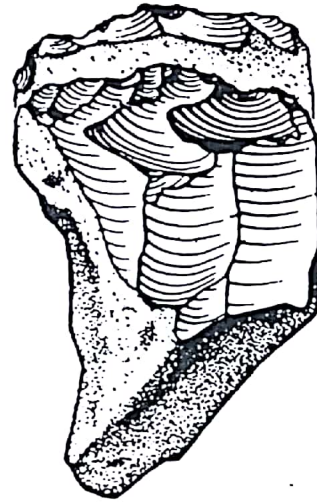
2

0 5cm

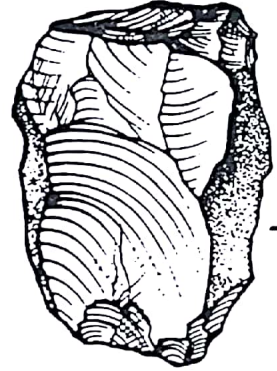
3

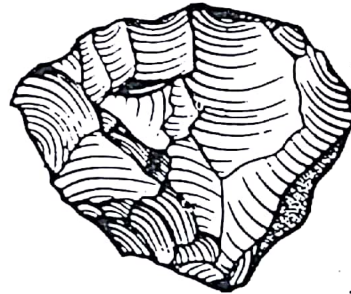
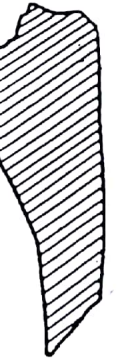
1

2

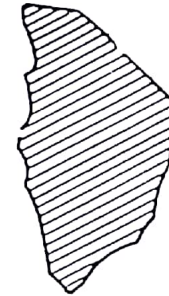

2

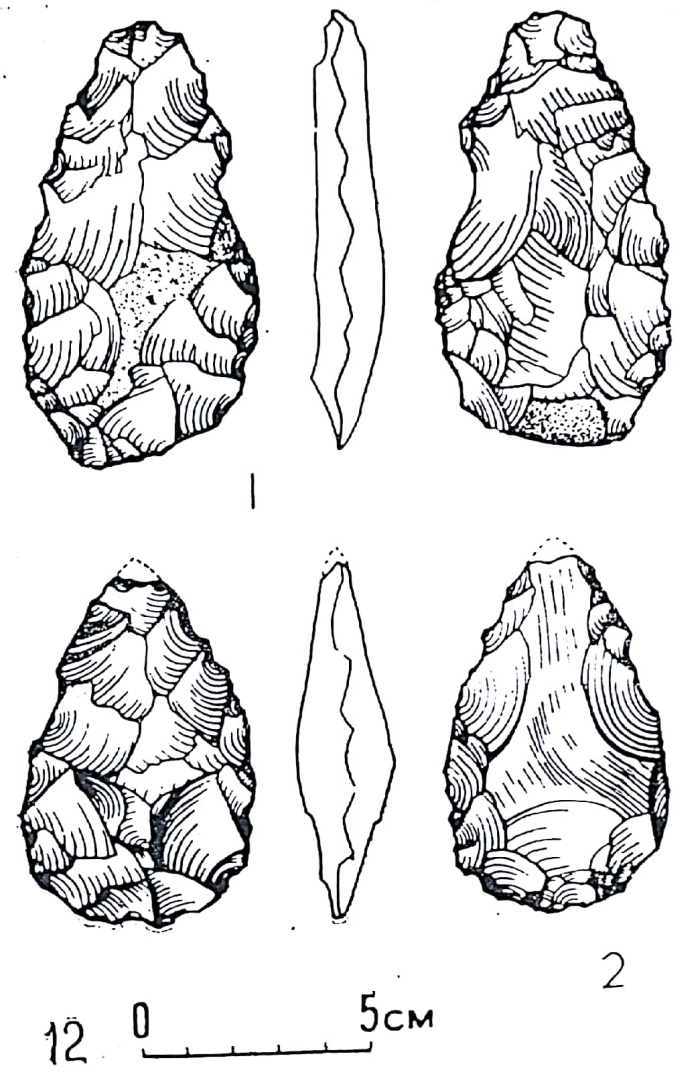
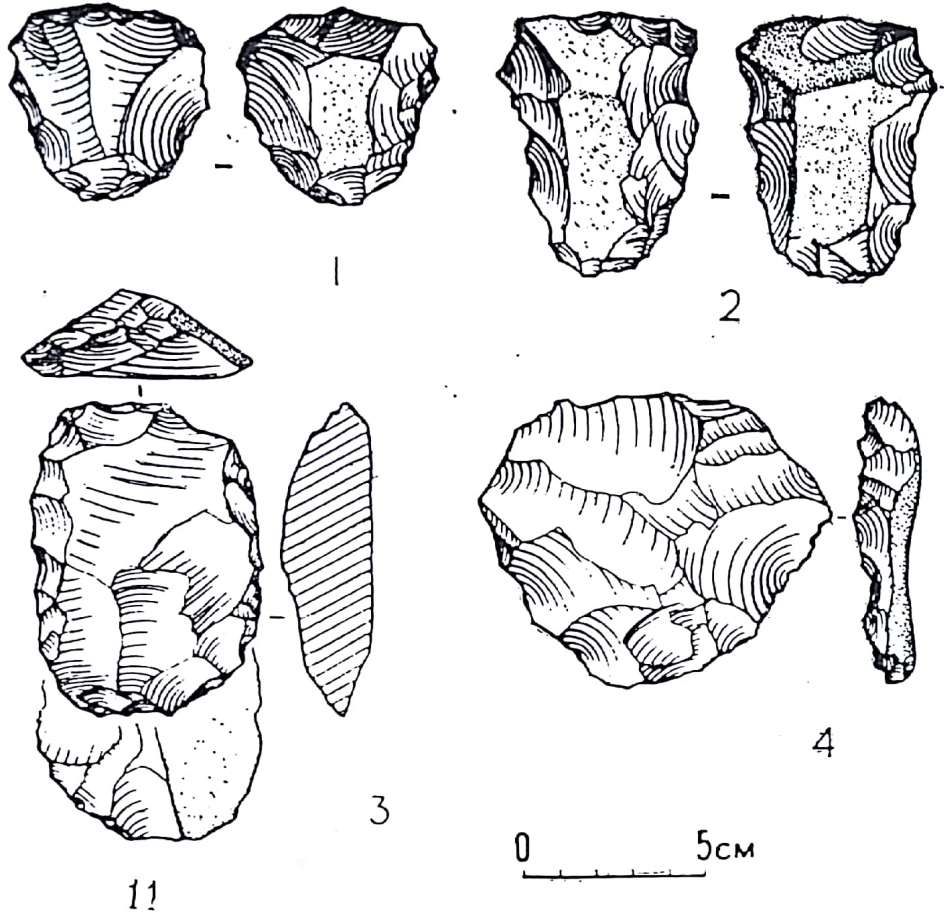
10

3

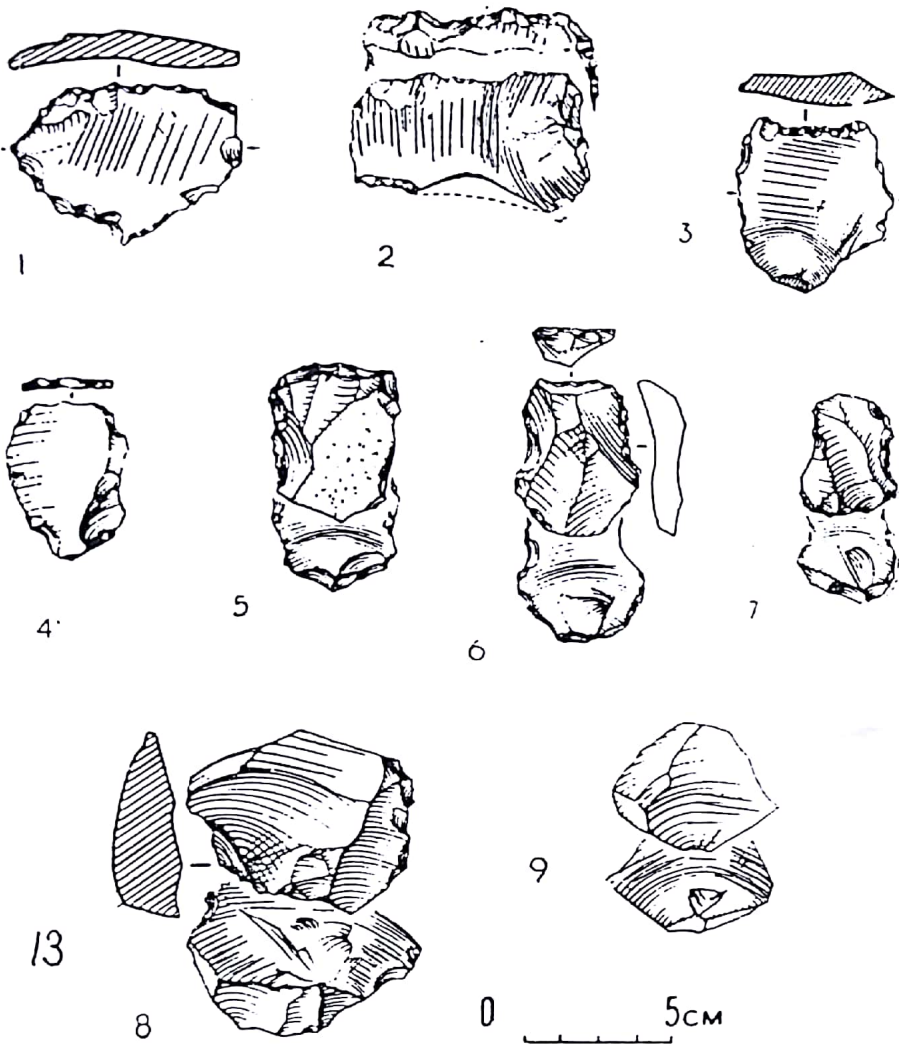

0 5cm

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора	3
Предисловие	5
Некоторые аспекты реализации данных археологии палеолита при геологических исследованиях	8
Периодизация и ареалы палеолитических культур Казахстана	14
Геохронология палеолита Казахстана	34
Заключение	44
Литература	47
Список научных и научно-популярных работ Алана Георгиевича Медоева	49
Атлас руководящих комплексов каменной индустрии	51

Алан Георгиевич Медоев

ГЕОХРОНОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА

Утверждено к печати Ученым советом ордена Трудового Красного Знамени Института геологических наук им. К. И. Сатпаева Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: кандидаты исторических наук *К. А. Акишев, В. А. Ранов*

Зав. редакцией *Н. А. Менжулина*. Редакторы *Т. Н. Кривобокова, Г. И. Тимошенко*. Худ. редактор *А. Б. Мальцев*. Оформление художника *Н. Ф. Чурсина*. Техн. редактор *В. М. Муромцева*. Корректор *Е. Н. Дремкоза*

ИБ № 1093

Сдано в набор 2.02.82. Подписано в печать 7.04.82. УГ10049. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 3,7. Уч.-изд. л. 3,6 (в том числе 1 л. на мелован. бумаге). Тираж 1000. Заказ 29. Цена 60 коп.

Издательство «Наука» Казахской ССР. Типография издательства «Наука» Казахской ССР. Адрес издательства и типографии: 430021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.